

A soldier in full combat gear, including a helmet and a tactical vest with multiple pouches, is shown from the chest up. He is holding a rifle slung over his right shoulder. The background is a dense forest with green and yellow leaves, suggesting an autumn setting. The text is overlaid on a semi-transparent grey box in the upper half of the image.

ЗОВ.Три истории

Бушмин Виктор

Виктор Васильевич Бушмин

ЗОВ.Три истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69554155

SelfPub; 2023

Аннотация

Перед лицом смерти люди, словно дети. Их чувства обострены, искренни и честны, словно ИСПОВЕДЬ.. Три простые истории трех людей, оказавшихся в одном окопе перед лицом смерти. Неужели всё? Или..

Виктор Бушмин

ЗОВ. Три истории

Контратака, начавшаяся как-то сумбурно и не совсем организованно, захлебнулась, хотя и добилась многого.

Опорник был захвачен быстро, лихо, практически слету кавалерийским наскоком. Вот только лошадей-то и не было. А значит, не было и тяжелой техники толком в поддержку.

Три украинские БМП, врытые по самые башни, были уничтожены огнем артиллерии, а рванувшие, было, на выручку осажденным украинцам, танки, так толком и не успев выстрелить хотя бы по паре раз, спешно откатились назад за пригорок, потеряв два танка из четырех. Их ловко и быстро запурили донбассцы.

Один танк взорвался с чудовищным грохотом, его башня взвилась вверх и, вращаясь вокруг своей оси, упала метрах в пяти от горящего корпуса, воткнувшись стволом в землю.

Но радости было мало. Взвод БМП, направленный, было, на подмогу атакующим, немного опоздал с выдвигением и был накрыт артиллерией противника.

У одной из машин сорвало гусеницу и она, чуть крутанувшись, замерла.

В этот самый момент в нее попал снаряд, разворотивший машину и разорвавший ее практически пополам.

Три оставшиеся машины стали пятиться назад, хаотично на первый взгляд, но лишь на первый взгляд, или взгляд дилетанта, отстреливаясь.

На самом же деле три машины пытались грамотно отступать, прикрывая огнем одна другую поочередно и перенося огонь по секторам.

Но вот и вторая машина замерла, схлопотав повреждения от взрыва. Недолет, но осколки разворотили переднюю часть, где расположен двигатель..

Экипаж и десант быстро разбежался в стороны, ведь медлить просто нельзя. Второй снаряд попал точно по машине..

Занявшие опорник противника ополченцы Донбасса вместе с российскими военными стали закрепляться.. пытались закрепиться..

Все прекрасно понимали, что все позиции давно уже пристреляны врагом, есть координаты наводок..

В азарте атаки никто наверное и не обратил внимание на трех военных, которые быстрыми перебежками следовали за наступающими ополченцами . Двое из них тащили какой-то большой контейнер-футляр с собой, а третий, казавшийся просто тенью первых двух, бережно нес нечто, похожее на пульт с джойстиком управления, словно от какой-то компьютерной игрушки..

Они незаметно заняли небольшой блиндаж и стали что-то разворачивать.

В их движениях не было никакой суеты, хотя со стороны

это так и могло показаться стороннему наблюдателю, просто они отработанными долгими тренировками движениями собирали большой дрон и настраивая его работоспособность.

Через несколько минут дрон взлетел и, замерев на несколько секунд над местом запуска, полетел в сторону украинских позиций на предельно малой высоте, стараясь огибать все неровности местности, так порой низко, что практически цепляя высокие кусты, росшие неподалеку.

Дрон улетел на удивление тихо, хотя были четко видные его бешено крутящиеся лопасти винтов..

Несколько мощных залпов, слившихся в одну единственную дикую канонаду и какофонию, стали перемешивать с землей бетонные укрепления, так долго и заботливо создаваемые украинцами за восемь лет окопной войны в ожидании Минска -2.

Ротные и взводные командиры стали вызывать медиков, нужна срочная эвакуация раненых.

БТР и МТЛБ, называемую в армии ласково «Мотолыжкой», с нарисованными на бортах красными крестами внутри белых кругов и обозначающие медицинскую эвакуационную машину, вместе с двумя УАЗами Буханками рванулись к ним на выручку, зигзагами пытаясь преодолеть простреливаемый участок..

Медикам удалось забрать несколько тяжелораненых солдат, но, когда они стали разворачиваться, в борт БТР влетела ракета от ПТУР..

Два УАЗА все же умудрились выскочить из полосы обстрела и скрылись за деревьями, росшими на стороне наших позиций.

МТЛБ, быстро развернувшись, подъехала к подбитому БТР с тыльной и не простреливаемой стороны. Из нее выскочили маленькие фигурки полевых медиков, которые постарались забрать как можно больше раненых из подбитой машины, некоторых затаскивали даже наверх брони, лишь бы вывезти как можно скорее с поля боя.

МТЛБ, практически скрывшись уже за пригорком и двигаясь зигзагами в сторону тыла, все-таки попал под обстрел украинских артиллеристов и, потеряв гусеницу, остановился. Медики вытаскивали раненых и на носилках стали быстро выносить их из простреливаемой насквозь ничейной полосы.

Оборона захваченного опорника рассыпалась, разбившись на небольшие участки..

Несколько контратак украинцев, пытавшихся выбить наших ребят, захлебнулись, хотя две из них прошли практически в рукопашном бою.

Выскочившие из-за пригорка два ударных вертолёта союзных сил попытались поддержать контратаку, но, как только эти две огромные и жуткого вида винтокрылые чудовища стали приближаться к опорнику, из рожицы, куда откатились украинские подразделения, вылетели несколько ракет, выпущенных, по всей видимости из ПЗРК.

Головной вертолет резко отстрелил тепловые ловушки, создав красивые фейерверк в надежде увильнуть от летящих на них ракет, и это ему, правда, частично, но все-таки удалось. Первая ракета ушла на ложные цели тепловых ловушек и взорвалась на удалении от хвоста машины, успевшей развернуться и теперь зигзагами уходившей обратно назад.

Второй вертолет, летевший чуть сбоку и позади от ведущего, успел огрызнуться НУРСами в направлении рощицы, при этом, одна из ракет, выпущенных из ПЗРК, оказалась невольно сбитой одним из пакетов НУРС, но третья, выпущенная с небольшой паузой по времени, четко нацелилась на МИ-35.

Пилот вертолета резко развернул машину и, сначала немного набрав высоты, стал резко вдруг пикировать вниз, прямо к поверхности земли, туда, где располагался захваченный опорник противника и где, как назло, оказались эти трое военных с большим контейнером.

Вертолет снова резко рванул вверх и огромным павлиньим хвостом за собой расстрелял, по всей видимости, практически весь запас тепловых ловушек.

Ракета также попыталась вильнуть за ним, но, нарвавшись на полосу ловушек, взорвалась под днищем вертолета, подбросив тяжелую винтокрылую машину смерти вверх.

Вертолет, словно боксер, пропустивший мощный апперкот, дернулся из стороны в сторону, потом, стал резко падать вниз, но, этот бронированный монстр не так-то легко было

убить.

Машина, как-то бочком и рывками, стала опять набирать высоту и, не разворачиваясь, задним ходом улетала обратно на базу.

Первый же вертолет, словно со злости и в отместку за эту наглую самоуверенность зенитчиков противника, резко рванул вперед и разрядил оба пакета НУРСов по рошице..

А, через некоторое мгновение, с громким рыком двигателей откуда-то слева выскочили два российских штурмовика СУ-25, которые, буквально цепляя днищами кроны деревьев, отбомбились на этой злополучной роше, превратившейся из места сосредоточения противника в место его гибели..

И вот, в момент небольшой тактической паузы, когда, казалось, что обе стороны уже устали от бессмысленной артиллерийской дуэли, в одном из секторов опорника судьба свела трех разных людей.

Мужчина был доброволец, из ополченцев, звали его Виталий, было ему лет под шестьдесят, наверное, ну или может чуть меньше. Там, на фронте, все как-то сразу стареют. Никто и никогда не скажет вам, что люди там молодеют. Лица их сразу грубеют, становятся как-то резче, жестче взглядом, так что через несколько дней боев мало кто уже походит на себя.. довоенного.

Виталий был голубоглаз, волосы его, коротко, практиче-

ски под ноль подстриженные, были просто «соль и перец». Небольшая контузия и легкое ранение в голову не испугали его, и, казалось бы, ничем не удивили. Он самостоятельно перебинтовал себе голову, подтянул из соседнего окопа ПК, притащил несколько полных коробок с лентами патронов для него, после чего, услышав голос девушки-медика, кинулся ей на помощь.

Девушка-медик, звали ее Злата, была маленькой и хрупкой блондинкой с огромными серо-зелеными глазами и тонко очерченными немного пухлыми, словно у недовольного ребенка, губами.

– Почему блондинка, – поймал себя машинально на этой мысли Виталий. – Ах, да, вот и прядь светлая вылезает из-под шлема..

Девушка, пыхтя, из последних сил волокла по дну окопа тяжелораненого солдата.

Олег, так звали этого мальчишку.

День перепрыгнул вершину и начинал неуклонно скользить к закатному вечеру. Противник, видимо, или перегруппировывался для новой контратаки, или просто выжидал чего-то, скорее всего темноты..

Девушка занималась раненым Олегом.

Тишина летнего прекрасного дня иногда все-таки умудрялась врываться в чудовищную симфонию грохота боя, удаляя на эти мгновения зловещую музыку смерти и заполняя все... стрекотанием кузнечиков, жужжанием мух или пчел,

сейчас уж и не разберешь, да и не особо это важно. Важно лишь одно – жизнь всегда будет забирать свое у смерти, как бы та ни старалась.

Они сидели на дне окопа, уставшие, измотанные, но живые.

– Почему вы здесь? – внезапно и неожиданно, даже как-то неуместно, спросила Виталия девушка.

Тот как-то, то ли, виновато, то ли, неуклюже, то ли с грустью и тоской, улыбнулся, после чего произнес:

– Я расскажу вам свою историю. Расскажу все честно, без вранья. Нет смысла врать или приукрашивать, ведь никто не знает своего следующего утра. А врать на ночь глядя, – он попытался пошутить, – как-то не совсем, мягко говоря, прилично. Тем более при такой вот красивой девушке..

– Хорошо, – кивнула ему в ответ она, – меня, кстати, Злата зовут.

– Олег.. – хрипло произнес раненый.

– Дядя Виталий, – представился он им.

Виталий.

– История моя и проста, и сложна, и для многих может показаться глупой, наверное. – Виталий закурил, прищурился, выдержал небольшую паузу, но вовсе не для придания значимости следующим словам, а скорее, немного выиграть время, подбирая нужное.

– Как я оказался здесь? Да очень просто, плюс каждый, кто служил в армии, наверняка меня поймет. Одной фразой это называется «отвечать за слова».

Итак, я, как и многие ребята моей юности, выросшие при Союзе, у вас это сейчас как-то по-идиотски называется «совок». А тогда это было поистине золотое время, время, когда каждый мог стать кем угодно, когда можно было реально распланировать свою жизнь, не задумываясь о деньгах на образование или платную медицину.

Злата посмотрела на Виталия, но ничего не сказала в ответ и не возразила. Она и сама это частенько слышала от мамы и бабушки, но как-то не задумывалась, пропуская все мимо ушей.

Виталий сделал длинную затяжку, выкурив практически половину сигареты, потом медленно прикрыл глаза, выпуская дым.

– Ну, в общем, все просто, как чайник. Я хотел стать военным и я стал им. После школы, вернее во время учебы в 10 классе, я подошел к нашему учителю военной подготовки, – в этот момент Злата уже с нескрываемым удивлением посмотрела на него, – Да, именно так. У нас тогда был такой предмет НВП – начальная военная подготовка. Короче, как только учитель услышал это, он пошел со мной к завучу и директору, которые что-то записали в свои большие школьные журналы, похвалили меня, выдали дежурное «молодец»...

В это время раздался пронзительный нарастающий свист,

все трое пригнулись, словно стараясь вжаться в стенку окопа. Перелет.

Виталий еще раз затянулся, докурив сигарету практически до фильтра, придавил окурочек берцем.

– Ой, а дальше... – он усмехнулся, – дальше я познакомился с товарищем военкомом и военной врачебной комиссией, осмотревшей и ощупавшей меня везде и всюду, при этом каждый из врачей по завершению моего осмотра, кивал головой и радостно констатировал факт полнейшей готовности меня к будущей защите Родины.

Так я и оказался в одном из военных училищ. Рассказывать про экзамены не стану – сами понимаете, какой был мандраж и нервы как струны у гитары Пако де Люсия... – Виталий снова улыбнулся, видимо, воспоминания о юности были о счастливых временах. – Самым страшным для меня была алгебра. Ну не влезали в мою голову все эти логарифмы и интегралы! Хоть тресни! Смотрел на учебник как баран на новые ворота...

Беру билет, значит, переворачиваю его и вслух называю его номер, как сейчас помню 22! А там! Там одни эти самые сволочи, сидят друг на друге и друг дружкой погоняют!! Одни интегралы и логарифмы значит. Ну и так. Для проформы один вопросик из геометрии.

Развернулся я от столика с этими проклятущими билетами и побрел к свободной парте возле окна. Забыл сказать, что все это безобразие проходило в полевом учебном центре.

Он поймал удивленные взгляды Олега и Златы.

– Да, полевой учебный центр – это такая, даже сложно подобрать слова, ну в общем такая кошмарная штука, похожая на всеми богами забытый длинный деревянный барак, в котором в больших кабинетах сотни ребят со всей страны сдавали экзамены, хотя жили в паре километров, на опушке леса, в палатках на 7 человек. – Виталий с какой-то гордостью посмотрел на Олега и Злату, для которых весь его рассказ был из разряда фантастических небывлиц, выдержал небольшую паузу, и продолжил:

– Выдали, значит, нам палатки, колья, веревки, какие-то деревянные настилы, ну и наши старые добрые ватные тяжеленные матрасы полосатенькие. Вертитесь, как хотите и ни в чем себе не отказывайте. Умывальник на улице: такие длинные ряды с краниками и желобом-раковиной для стока. А водичка-то...холодненькая. Туалет метрах в ста, наверное, был на окраине нашего этого самого лесного кошмара.

– А спали как? – Олег застонал, приоткрыл глаза. Было видно, как ему тяжело произносить даже это – ранение было тяжелое, и огромная кровопотеря давали знать. Слава Богу, что Златка, как умелая и грамотная медичка, успела вовремя заложить жгуты, остановить кровотечение, обколоть его и перебинтовать.

– Да вот так и спали. Ставили палатки, естественно, с первого раза толком ни у кого на сборах это не получалось, палатки заваливались, чаще всего по ночам или, что самое

обидное, во время дождей. А дождей тогда, как словно в издевку, было много. Словно природа была тогда в каком-то своем игривом настроении и решила перепутать Англию со Средней полосой России в июне-июле и вместо жары и солнышка, устроила нам лужи, грязь, тучи комариков и прочей кровососущей и разной там членистоногой мерзости.

В этот момент снова начался обстрел. Раздались несколько взрывов, один из снарядов попал в полуразвалившийся дот метрах в тридцати от них. Окоп забросало комьями земли и заволочло дымом.

– Не дают нашим подтянуть к нам поддержку, ну и отвезти вас в больничку.

Виталий приподнялся и осторожно выглянул из окопа, рассматривая пространство перед собой сквозь небольшую щель в мешках с песком и щебнем и стараясь особо не светить голову, после чего снова сел рядом с ребятами и продолжил свой рассказ:

– Мне в итоге дико повезло. Только один раз непонятно с чего и почему, но решили оценивать знания этих треклятых интегралов и логарифмов весьма неожиданно. – Он сделал загадочное лицо и поднял палец левой руки вверх. – На сколько процентов решена задача, столько и ставят.

Типа значит если ты решил на 35-40 процентов, то трочка по итогу у тебя, тьфу ты, у меня в кармане!! Я как услышал об этом несказанном счастье, так чуть в голос Бога не поблагодарил. Честно. Я ведь крещеным был. Бабушка,

царство ей Небесное, – Виталий перекрестился и с нежной грустной улыбкой посмотрел на небо. – Она меня тайно от всех окрестила в церкви, мама, естественно, знала об этом, а вот от отца все скрывали. Он был коммунист, причем такой, из идейных.

Жили мы в кирпичной пятиэтажке, в небольшой двушке. Деньгами богаты никогда не были, но не жлобились и не голодали. Особой любовью у нас были книги. Собирали библиотеку. Это тогда было круто. Как сейчас говорят – в тренде и хайпово.

– Я правильно юзнул вашим сленгом, шпанятки? – Виталий подмигнул Злате и Олегу, которые немного повеселели, у Олега даже щеки чуть подернулись розовым цветом, оживляя серость и бледность после обильной кровопотери. – Мама у меня работала санитарным врачом, так получилось, что напрямую с медикаментами ей больше нельзя было сталкиваться. Она перенесла жуткий приступ лекарственной аллергии, я тогда маленький был, помню смутно. В общем, побывала она в реанимации и, можно сказать, лишь чудом выкарабкалась. Ну а чудом был Бог и наша советская медицина.

– Папа был.. – тут Виталий запнулся, подбирая нужные слова, – а папа был.. – он сделал снова паузу, посмотрел на слушателей своих: Злата с интересом слушала его, жадно впитывая каждое его слово, словно пытаясь воочию представить его историю жизни. Олег полулежал, прислонившись к ней, и пытался, как мог, сохранять сознание. Видимо тро-

фейные капельницы пошли ему на пользу и чуть прибавили жизненных сил.

– Так вот. Папа у меня служил в КГБ. Это я уже потом узнал, когда пришлось мне анкету и автобиографию переписывать во время сбора комплекта документов в училище военное. Так бы и думал что он простой и обычный инженер в каком-то НИИ «Луч».

Рассказчик взял паузу. Снова приподнялся и осторожно осмотрел местность в сторону позиций противника. В это самое время артиллерия союзных сил начала как следует обрабатывать вторую линию укреплений украинских националистов.

– Папа был у меня как сейчас бы выразились наши толерасты и «всепропальщики» представителем кровавой гэбни. А он лишь Родину защищал. И, что самое удивительное, ведь никому из работяг там, или других наших соотечественников в общем-то плохого они и не сделали. Опустим перекосы и те времена.

Берем того же Солженицына – он сидел в ГУЛАГЕ, и поделом, он ведь даже там умудрялся вредительствовать. И ведь сволочь так красочно и с причмокиванием описал в своих «шедеврах» в кавычках. Когда стране нужна была защищенная связь – она комиссии дурачили, лишь бы не умотать в солнечный Магадан. – В это время рация затрещала.

– Голый, Голый, я Ёж, как слышите меня, прием!!

Виталий нажал тангенту на рации и ответил:

– Ёж, я Голый. Слышим вас нормально. Нормально. Прием.

Рация снова зашипела и выдала:

– Держитесь там? Коробки скоро придут. Ждите. Прием...

– Понял вас. У нас трехсотый тяж и я так по мелочи. Прием.

– Принято. Кроем пока артой заборчик, чтоб чубы не полезли. Прием..

– Принято. Держимся. Ждем. Прием.

– До связи.

– Так что прошу не путать с современными представителями этой партии, хотя, тут и говорить нечего, и тогда было много проходимцев, бездарей и прилипал разных мастей во власти. Хотя, я все-таки думаю, что отец знал, ну или догадывался, ведь мама его, моя бабушка, была православная, кстати, толком и неграмотная была, знала лишь, где за свою мизерную пенсию расписываться и денежки считать, когда сдачу в кассе магазина забирала.

В общем и целом, Бог меня видимо любил. Он всех любит. Так, по крайней мере, утверждают. У меня порой в голове не укладывается лишь одно: как может Бог всех любить... – Олег грустно покачал головой. – Хотя, на тот Он и Бог. Это мы в серости погрязли и заигрались в любовь и ненависть.

Снова взрывы раздались неподалеку от места, где они лежали.

– Вот хохлы неугомонные, блин.. – тихо произнес Олег. – Не дают насладиться рассказом о социалистической идиллии.

– Их сейчас колбасит от мысли одной, что они так глупо прощелкали этот опорник, который бетонили и крепили лет восемь, так что все сейчас по плану их жизни: так не доставайся ты никому. – Произнесла Злата. – Это видимо у них в крови...

– Однако, молодежь, вы циничные товарищи. – Усмехнулся Виталий. – Это война. Всегда и везде, те, кого вышибли откуда-то, пытаются или отбить потерянное, или сровнять с землей утрату, да и желательно вместе с теми, кто их так бодренько опрокинул через плечо.

Олег застонал, видимо действие обезболивающих начинало слабеть.

– Златуся, зайчик, – Виталий попытался как-то нежнее и более мягко попросить ее, – не могла бы ты, – он немного поморщился, – порыться в аптечках вон тех 200х.. Хохлам лекарства уже ни к чему, а вот нам бы не помешали.

– Пошарь по окопу, а я вот этого голубчика расписного раздербаню. – Виталий кивнул на труп националиста, свисавшего вниз головой сбоку окопа практически над местом, где они сидели. Была видна его рука, вся в крестах, рунах. Рука молодого и крепкого парня, рука, которая уже никогда не обнимет свою мать и не сделает ничего уже в этой жизни.

Злата осторожно отодвинулась от раненого Олега, кото-

рый полулежал, прислонившись к ней и стенке окопа, справа от нее, и, постоянно пригибаясь от слышавшихся взрывов и свиста пролетающих пуль, направилась «шерстить» аптеку лежащих неподалеку трех убитых украинских военнослужащих.

Улов был по лекарствам достойный. Злата умудрилась найти в полуразрушенном железобетонном доте большую медицинскую сумку полевого санитаря, где, к общей радости, были даже несколько капельниц с физраствором и общестимулирующими лекарствами, которые были как нельзя, кстати, раненому Олегу.

Злата вернулась, таща со счастливым видом на лице, эту огромную сумку, ловко приладила неисправную СВД в качестве штатива для капельницы и поставила катетер Олегу в вену в районе бицепса, уселась между ними, снова положив голову Олега к себе на плечо.

– Так. На чем я остановился... – Виталий посмотрел на ребят. – В общем, поступил я с грехом пополам. Учебу пропущу, скажу лишь, что был «классическим залетчиком», несколько раз висел буквально на волоске от отчисления из военки, но исключительно по причине своего поведения и... Виталий игриво пошевелил бровями, – моей необузданной любви к девушкам. Влюблялся чуть ли не раз в месяц, совершенно теряя голову от этого, за что и огребал по полной от офицеров-наставников. Пару раз выходил «шатлом на орбиту» в наряды по кухне.

Шатл – это сами знаете – космический корабль многоцелевого использования, ну а в нашей курсантской среде это была длинная серия нарядов вне очереди – такое наказание есть, когда волей-неволей приходилось порой чуть ли не самому себя сменять в наряде, иначе, к примеру, короткий зимний двухнедельный отпуск мог просто помахать ручкой...

– В училище я близко сошелся с несколькими сокурсниками, с которым после выпуска, хотя и разлетелись по всем окраинам России, более-менее регулярно держал связь. Потом... – Виталий прищурил глаза, лицо его напряглось, желваки выступили на скулах. – одним словом все мы стали гражданскими, каждый в свое время вдоволь нахлебался развалом и бардаком, но сейчас не об этом речь.

Он осознанно умолчал о том, как молодым лейтенантом оказался в «командировке» в Анголе и, волею судьбы, или ее очередной странной причуды, стал участником легендарных событий, названных позднее «Ангольским Сталинградом».

Это была большая ангольская деревня, расположенная на юге страны и которую кто-то видимо обладающий невероятным чувством юмора или галактического уровня сарказмом назвал городом, да еще и в придачу с причудливым местным названием Куито-Куанавале. Не надо искать смысла глубокого в этом названии – просто место слияния двух ангольских рек Куито и Куанавале.

Виталий никогда не мог забыть эти несколько месяцев жуткой осады и героической обороны кучки жалких лачуг и

полуразрушенных административных зданий, где были прижаты к месту слияния рек с полусотни советских военспецов и чуть побольше роты кубинцев. Ему до сих пор часто снятся сны, в которых он все такой же молодой, задорный и безбашенный лейтенант, суется возле одного из немногих неповрежденных минометов, которые на импровизированных носилках таскали между разрушенными домами кубинцы, а он стрелял по наступающим юаровским частям, вызывая у них неподдельное удивление и недоумение, ведь по всем их сведениям, практически вся ствольная артиллерия, танки и несколько бронемашин были сожжены и уничтожены.

Об этой истории из своей жизни Виталий просто не любил рассказывать. И вовсе не потому что ему было стыдно, вовсе не по причине какой-то моральной вины. Нет. Он был воином и этим сказано все.

Хвалиться или рассказывать о былом – удел стариков, а он еще молод.

Он снова закурил.

– У нас – выпускников военного училища есть свой сайт, там форум, где мы периодически общались и, когда наступала та или иная круглая дата нашего выпуска, договаривались о дате и месте встречи. И вот однажды, – он сделал большую затяжку и практически сжег сигарету до фильтра, – мне на телефон позвонил Игорь. Этой мой одноклассник, Игорь Шевченко, был он родом с Донбасса, поступил в училище

также как и все после окончания школы и после увольнения вернулся домой, где после долгих мытарств и приключений создал небольшой транспортный бизнес – на фурах гонял туда-сюда и по России, и по Европам.

В это время снова раздалось несколько мощных взрывов. Когда обстрел затих, он продолжил:

– Когда начался февраль четырнадцатого и начался дикий беспредел, не поддержал Игорь новую власть, ну что-то там ему... короче, попросил он всех, кто может, приехать к нему в Волноваху и вывезти семью куда-нибудь на время. Отозвались двое, а Гера-калмык, да, прекрасной души человек, мы учились в одной группе, предложил свой огромный дом в деревне, прямо так сказать на берегу поймы Волги, возле рыбы и умиротворения.

Прекраснейшее решение, чтобы его семья могла переждать, как нам всем тогда казалось, временное массовое помутнение рассудка, охватившее ни с того ни с сего Украину.

Рация снова включилась, Виталий ответил короткими фразами самым простейшим кодом, означавшим, что у них более-менее все под контролем, БК и медицина трофейная в избытке, но желательная эвакуация тяжелого трехсотого.

Олег повернул к нему голову и, попытавшись улыбнуться в надежде придать своему бледному с огромными темными кругами вокруг глаз хотя бы какую-то бодрость, прошептал:

– Я в норме. Не надо паники.

Виталий кивнул головой, понимая, насколько тяжело сей-

час парню и что его слова были адресованы скорее Злате, а не ему, ведь девушка тоже волновалась.

Сложно гражданскому, да сложно любому человеку вдруг оказаться посреди мешанины тел, среди крови, боли и грязи, сложно сразу так переключить свое сознание и восприятие мира с одной, привычной доселе жизни на новую, жуткую, жестокую, кровавую и такую непонятную с обычной точки зрения.

Снова несколько раз обстреляли из минометов, на этот раз как-то дежурно и словно нехотя.

Когда пыль осела, Олег продолжил свой рассказ:

– Я приехал как метеор, лишь наш нижегородский однокашник чуть задержался, да и то, не по своей вине, а по банальнейшей причине жадности местных гаишников, замордовавших его на каком-то диком посту, вытягивая из него деньги.

Семья Игоря была в сборе почти вся. Не было лишь сына, уехавшего на фуре с грузом в Европу.

Игорь сильно растолстел, но был вовсе не жирным увальнем, а скорее стал похожим на большого медведя.

– Привет, брат, – Олег обнял друга, – тебя легче перепрыгнуть, чем обойти. – Пошутил он.

– Да и ты, смотрю, тоже не замариновался, друже.

Сборы проходили в дикой спешке и суете, которую создавали женщины его семьи. Игорю несколько раз приходилось даже ругаться, и их громкие дискуссии были слышны на рас-

стоянии нескольких домов, так что почти вся улица уже была в курсе событий.

Упиралась лишь сноха, она жутко не хотела уезжать, не понимаю всю грядущую опасность и лишь пыталась как-то найти себе повод остаться.

– Папа, – Оксана присела рядом с Игорем, – Я все понимаю, я тоже волнуюсь, но и ты пойми, мне надо написать заявление на отпуск, оформить кучу глупых и ненужных бумажек, – она придумывала на ходу, пытаясь найти повод, чтобы не уезжать и остаться дома. – Надо еще оформить бумаги в детском садике на Марийку, – сноха нарочито старалась называть свою дочь и внучку Игоря украинским манером, и, хотя деду было все равно, он просто любил до беспамятства свою единственную внучку, ведь других детей его сын и Оксана почему-то больше не заводили.

Оксана продолжала гнуть свою линию, выдумывая отговорки на ходу:

– Ну а если в садике вдруг заупрямятся, я сбегаю до врача и просто куплю типа больничного. Ну не хочу я все так бросать все, ведь тут у нас и добро, и хозяйство, и скотинка какая-никакая расплодилась. А если оставим, так соседи в миг растащат, разворую или, прости господи, просто спялят все.

– Хорошо. – Ответил ей Игорь и в этот момент какая-то невидимая грусть на мгновение затенила его разум, словно в солнечный день внезапно появившаяся неизвестно откуда тучка, заслонившая свет. – Мы быстро, маму отвезем с ос-

новными вещами и за тобой. Ты уложишься за два-три дня, надеюсь?

– Конечно, папа. – Соврала ему Оксана, которая вовсе не горела желанием уезжать. Она вообще была, если можно так сказать, олицетворением «новой Украины», воспитанная в пространстве недоверия к России, недоверии ко всему прошлому и с привитым чувством обиды на «москалей», от которых, почему-то, именно и шли все беды.

Группа из трех машин с прицепами вечером того же дня уехала из Волновахи..

– Не удивительно, – произнесла Злата.

– Вот именно, – согласился Олег.

Виталий снова закурил. Он ведь не курил уже более десяти лет, а вот снова не справился с этой слабостью и, оказавшись на передовой, снова потянулся за сигаретой, предложенной, он уже и не помнил лица того воина, сигаретой. Он прекрасно понимал, что курение не избавит его от проблем, что этот дым не унесет с собой беды, не вылечит раненого, который своими потрескавшимися от запекшейся крови губами пытался сделать свою, возможно, последнюю затяжку в жизни.

Но он закурил. Просто чтобы была у него возможность отвлекаться от жестокости, окружавшей его.

– Когда мы вернулись, – голос Виталия изменился, в нем прибавились нотки злости, выдаваемой хрипотцой, которую легко можно было спутать с последствием простуды или

бронхитом курильщика, но это была именно злость. – Так вот. Когда мы вернулись...

Он резко отшвырнул ставшую в этот миг ненавистной ему сигарету.

– Не было уже ничего и...никого. Дом-то стоял, даже ворота и калитка были закрыты. Но какая-то странная до жути тишина висела над ним. Мертвая тишина. Ничего. Тишина. Даже птицы, вроде бы, не чирикали.

Игорь вошел первым, открыв калитку ключом. Он просто решил, что сноха еще на работе и вернется вечером, а внушка в садике.

Но, открыв калитку, он резко отшатнулся, словно пропустив мощнейший удар профессионального боксера. Его колени согнулись, он упал и, закрыв лицо руками, как-то глухо и жутко.. завыл.

Весна – прекрасная пора года, когда вся природа, просыпаясь, радуется и старается переносить свое прекрасное настроение везде и всюду, словно делясь им в избытке от щедрот своих.

Двор и веранда был завалены опадающими лепестками цветов вишни и черешни, которые росли вдоль забора, наполняя улицу и все вокруг изумительным запахом и ароматами.

Но сейчас эти ароматы перемешались с запахами смерти...

На крыльце его родового гнезда, на этой огромном крыль-

це-веранде, в его доме, который он построил своими руками и который мечтал оставить своим детям и внукам, строя планы о светлом и прекрасном будущем, лежали его сноха и...внучка Мария.

Виталий сделал паузу в рассказе. Было просто невообразимо тяжело рассказать словами всю глубину ужаса и тяжесть необъяснимого зверского животного убийства, совершенного над молодой женщиной и маленькой девочкой лет шести всего от роду.

Женщина закрывала своим телом маленькую девочку, которая, свернувшись калачиком, пыталась спрятаться за ней от всего ужаса бессмысленности, внезапно нагрянувшей к ним и заставшей врасплох.

Большая уже почерневшая лужа запекшейся крови, посреди которой навеки замерли две жизни, по чьей-то злой прихоти вдруг лишённые будущего, лишённые мечтаний, радостей, да хотя бы горестей, но живых.

Мы кинулись к Игорю, пытаюсь увести его подальше от дома, хотя бы попытаться усадить в машину. Но он нас отшвырнул от себя, резко и сильно, словно мы были пушинки, а не взрослыми здоровыми сорокалетними мужиками.

Он кинулся к внучке, схватил ее в охапку, как дикий зверь хватает своего детеныша и, на коленях, не вставая, пронес в дом через распахнутую настежь дверь. Ребята не мешали ему и лишь помогли занести тело Оксаны.

Дом и все хозяйство была разграблено, мебель зачем-то

вспорота и испорчена вандалами, а под ногами неприятно хрустели осколки посуды..

Вынесли все, абсолютно все, а что не смогли – просто изуродовали..

Вечером того же дня, перепуганный насмерть местный батюшка, отпел убиенных и мы похоронили их на местном кладбище, в семейную могилу, где уже покоили родители Игоря.

– Ну а кто? – Не выдержала Злата. – Кто??

– Молодые какие-то шпанята из какой-то киевской полу-банды «свидетелей бандеры», – зло ответил ей Виталий. И, предвосхищая ее следующий вопрос, добавил: – Классика жанра. Какая-то «сердобольная» соседка не удержала кое-где воду и...выдала приехавшим «прививателям любви к батькившине», что, так мол и так, уехали тут некоторые прихвостни кацапские. И, проводила их, значит, прямо по адресу.

– Не может быть.. – Злата от ужаса представила эту картину и прикрыла рот рукой. – Как на такое могли решиться люди? Они же жили соседями..

– Очень просто, очень даже просто, – грустно вздохнул Виталий и продолжил рассказ:

– Они приехали на двух внедорожниках, размалеванных тризубами в сопровождении какого-то из мелких местных чинуш, игравшего скорее роль мелкой шавки, а не представителя власти Украины, и стали собирать всех местных, кто

жил на этой улице, на якобы митинг и агитацию.

Ну, как всегда, улицу заполонили местные алкаши, тунецы, а также шустрейшие такие бабульки. Они есть везде и всюду, без них никуда. Да и сами вы, скорее всего, могли сталкиваться с такими – вечно ворчащими, шикающими и недовольными вся и всеми. Ну, так вот. – Он снова выдержал паузу. – И тут нашлись такие, вернее, одна. Соседка, жила через несколько домов дальше по улице, вечно считающая всех виновными в неудачах и невезении своей семьи, в которой муж больше трети жизни провел по тюрьмам, а сын не просыхал, находясь в постоянном запое, который, правда иногда он и пытался прерывать. В общем, Игорь взял его на работу экспедитором и тот, перетерпев один рейс, на следующем героически напился и.. в общем, была дикая недостача и убытки. Игорь махнул рукой и просто уволил того, за что, видимо, и получил свою долю проклятий от этой женщины.

Она рассказала приехавшим молодчикам, что, так, мол, и так, живут тут такие. Сами уехали, но скоро должны вернуться за добром остальным.

Я вот до сих пор не уразумею. Она специально смолчала про сноху и внучку, или просто в суматохе, и нахлынувшей на нее злости и надежды мщения семье соседской по только одной понятной ей причине не сказала?

Они вошли в дом и..

Никто, как я понял, не ожидал, но факт остается фактом – они убили Оксану и маленькую Машеньку. Убили..

– А он ее убил? – Тихо спросил Олег.

– Кого? – Не понял вопроса Виталий.

– Ну, эту, добрую самаритянку?

– А.. эту, – Виталий снова приподнялся и осторожно выглянул из окопа, осматривая местность, – Хотел. Но, как подошел к ней, посмотрел молча, сорвал крестик у нее с груди, развернулся и, плюнув себе под ноги, оставил ее стоять посреди улицы в растерянности, испуге и молчании. Потом, правда, вернулся к ней. Та стояла и тряслась своими телесами как осиновый лист. –Зачем? Зачем ты это сделала, Галя? Кажется, ее так звали, – сказал он.

– И что она ответила ему? – практически одновременно спросили Злата и Олег.

– Мы не слышали, но, ответ был, видимо и, судя по вытянувшемуся лицу Игоря, настолько ошеломляюще идиотский, что тот лишь еще раз плюнул ей под ноги, резко повернулся, пыль поднялась из-под его ног. Он пошел по направлению к нам и, с каждым шагом, приближаясь, мы видели, как его лицо, живое такое лицо, стало превращаться в страшную маску мстителя. Глаза сверкали стальными искрами, обескровленные щеки и побелевшие губы просто ужаснули нас.

К исходу следующего дня, можно сказать, практически сразу после спешных похорон, мы уже знали, кто совершил это жуткое убийство, как их звали и где они сейчас могут находиться. Они, судя по всему, тоже узнали о нашем приезде,

но, упиваясь собственной безнаказанностью и вседозволенностью, тупо жили на расслабоне.

Тем не менее, мы понимали, что местная власть все равно станет нас искать, а лишние вопросы, да и потеря времени и, возможно, даже свободы, в наши планы теперь не входили.

В итоге, Игорь привел нас в одну полуразвалившуюся котельную, где кочегарил его бывший одноклассник – тихий алкаш, убивший много лет назад в приступе белой горячки жену и тещу, ну а после отсидки отмеренного ему от звонка до звонка, вел тихую и неприметную жизнь тени человека на Земле. Игорь столкнулся с ним как-то возле церкви, где последний пытался выпрашивать милостыню, узнал своего приятеля по детским играм и, помог тому обрести работу и хотя бы какой-то кров в виде этой кочегарки. Там мы и сделали свой лагерь.

– Ребята, не могу и не имею права просить вас о еще одной помощи. – Игорь обратился к нам, – Одному мне будет чуть сложнее, да и... – он замялся, есть такое понятие, как ибучий случай, в простонародье называемый невезуха или случайность. Не поможете мне?..

Мы поняли, о чем конкретно он нас просил. Я решил остаться, ну а другой наш товарищ не смог. Он не испугался, нет, просто он кинулся на помощь в дикой авральской спешке, и сейчас жизнь требовала его домой.

Снова наступила небольшая пауза, которая, на удивление трех наших героев, вдруг позволила им услышать... жужжа-

ние пчелы, перелетавшей неподалеку от них с цветка на цветок и показывающей им простоту и бесконечность жизни.

– В общем, мы знали, где они, кто они, сколько и чем вооружены. – Виталий ухмыльнулся, – тогда еще многие из них, настрелявшись в разных электронных бродилках-долбилках, не понимали истинную ценность жизни, пытаясь воспринимать мир и тогдашнюю действительность в виде продолжения нескончаемой компьютерной игры.

Игорь вынес из дома, у него, как я понимал, был небольшой схрон, видимо, девяностые и нулевые все-таки не оставили и его в стороне, один обрез и пистолет, судя по всему газовый, но уже переделанный под стрельбу боевыми патронами. Мы понимали, что если удастся хотя бы раз не самоубиться, выстрелив из него, это будет ну если не подвиг, то добровольное безумие точно.

Из принесенного оружия, лично меня куда больше порадовали два штыка от старых немецких винтовок Маузера – наследие прошлой великой войны.

Они были в нормальном состоянии и прекрасно заточены. Мне, тут можно было и не сомневаться, Игорь доверил обрез, а чудо-оружие предпочел оставить себе, не желая лишний раз подвергать меня очередной опасности, которых у нас могло быть множество.

В общем, пару дней мы провели в скрытном наблюдении за этой группой человеческой мерзости, которая, упиваясь беззащитностью людей и трусостью местных служителей за-

кона, научных горьким опытом февральского майдана и стояния на коленях, неспешно грабила и терроризировала данный район городка.

Они облюбовали себе большой дом, брошенный кем-то видимо из числа местных чинуш, уж больно вычурными были кованые заборы и плитка, коей был уложен внутренний двор.

И вот на третий день, вернее на третью ночь, мы решили навестить их. Почему, спросите, тянули? Нет. Не тянули, просто хотели все сделать правильно и наверняка. А если хочешь что-то сделать на совесть, семь раз отмерь и лишь один раз.. – Он сделал паузу, – лишь один раз просто чиркни по горлу.

Снова раздались несколько взрывов, пулеметная очередь сухим деловитым треском раздалась где-то справа на удалении и также быстро смолкла, словно устыдившись за то, что невольно прервала рассказ Виталия.

– Тогда, Виталь, на тебе внешний круг и, если будет ходок, в общем, он тогда твой. Я войду и, если вдруг что-то пойдет не так, ты просто встреть их на выходе из дома и..

– Конечно, брат, – машинально ответил я ему и, снов поймал себя на мысли, что как-то обыденно вдруг стал обсуждать то, что еще пару дней назад мне даже в самом страшном бреду бы в голову не пришло!

Для себя же я решил, что, все-таки постараюсь никого не убивать, а лишь..

Но. Как там говорится: человек лишь предполагает...

Парень из состава этих самых националистов сидел, при-слонившись к стволу яблони, и думал, видимо, о чем-то своем. А может и просто мечтал. А может вообще ни о чем не думал Кто его знает? На нем были наушники, сквозь которые все равно была слышная какая-то громкая музыка.

Это, видимо, был у них часовой.

Игорь кивнул мне на него. Я осторожно зашел к нему со спины и... – Виталий взял в руки флягу с водой и сделал большой жадный глоток. Вода пролилась на него и струйкой исчезла за воротником бронника.

– В общем, мальчонка как раз потянулся за сигаретами, вот я его и по затылку со всей дури треснул рукоятью штыка. Что-то, как мне показалось, даже хрустнуло, парнишка даже не успел ойкнуть. Просто повалился кулем и затих. Я щелкнул пальцами, подавая сигнал Игорю о зачистке периметра.

Игорь быстро и бесшумной тенью скользнул внутрь дома, лишь входная дверь слегка скрипнула, но, лишь на доли секунды. После этого тишина.

Кровь стучала оглушительным набатом у меня в висках, адреналин, выплеснувшись в вены, наполнил меня какой-то невесомостью и напрочь притуплял чувство вины за возможную смерть этого мальчишки.

Хотя, признаться, даже если это и не он убил сноху и внучку Игоря, то все равно не остановил руку палача, решившего поглумиться над двумя беззащитными созданиями, вся вина

которых была лишь в том, что кто-то из их близких решил уехать и отсидеться в стороне, пока все не утихнет на Родине.

Через некоторое время из тихого дома, погруженного все также в безмятежную тишину ночи, вышел Игорь. Он тщательно вытирал маузеровский штык какой-то тряпкой.

– Ты как, брат? – спросил он меня, присаживаясь рядышком со мной на корточки. – Все в норме? Или может, выпить надо чего? А?

– Я в норме, – отмахнулся я от него. – Руки помнят, чему учили...

– Тогда, – Игорь натянуто улыбнулся, но улыбка была какая-то вымученная, искусственная и неуместная, ведь глаза его были просто безжизненны. – Тогда, пожалуй, нам пора.

– Да, – согласился я, – Засиделись мы, пора и честь знать...

В этот момент мальчишка, которого с по идее должен был уже давно отправить на свидание с бандерой, тихо простонал и... заплакал.

– Оценка неудовлетворительно. Цель не поражена с первого показа, – со злостью произнес Игорь и, потянувшись к раненому, чтобы добить его.

– Дяденька, не надо... – со слезами прошептал мальчишка, – дяденьки, не надо, ради бога...

– Откуда ты, горемыка, – вдруг ни с того, ни с сего, спросил его я.

– Я с Богуслава... – ответил раненый.

Меня, словно молнией поразило.

Да, забыл я вам сказать, мои хорошие, что родом я из-под Киева, жил и ходил в школу в таком маленьком и красивом городишке с не менее прекрасным именем Богуслав. Городок, где постоянно цвели сады, пели птицы и воздух был просто обескураживающее упоительным.

– Вот это я понимаю, закавыка.. – Игорь посмотрел на меня. – Этот гаденыш выходит земляком тебе, Виталя... – в его взгляде читался лишь один вопрос.

– Отдай его мне, – сказал я Игорю.

– Забирай.

Я подошел к раненому, тот беспомощно и испуганно хлопал своими пушистыми ресницами и бросал перепуганные взгляды то на меня, то на Игоря.

– Да, землячок, ну и сюжетец ты мне закрутил. Чисто как у Тарантино.

– Ну так и убивай, давай, этого «Билла» – толкнул меня в бок Игорь. – Засиделся он тут и зажился слишком долго на земле, пора и..

– Пощадите меня, дяденьки, – снова зашебетал парень, – Христом богом клянусь, я вообще ни в кого не стрельнул ни разу и никого не резал, я больше спец по кухне там или по компам...

– Ну, просто агнец. Ты глянь на него. – Прошипел Игорь со злостью – Прямо хоть прикуривай от него и его святости...

– Я, правда, мамочкой могу поклясться, что больше никогда и никого в своей жизни не стану обижать... – он молился, словно маленький ребенок.

Злата не выдержала и перебила его:

– Ну и?

– Простил его, взял с него слово, – с каким-то странным сожалением в голосе ответил ему Виталий. – Отвез паренька, в местную больничку, положил на крыльцо, позвонил в звонок и..растаял в ночи. Пока вез, узнал, что звали его Никита, да и жил он, что удивительно, буквально через пару улиц от места, где я родился, правда, ходил в другую школу. В конце нашего короткого путешествия до местной аптеки, мы уже даже обзавелись какими-то общими знакомыми. О чем я, старый дурак, со временем пожалею.

– Прощай, Никита, ты мне дал свое слово, – кивнул я ему на прощание. – Не подведи меня. Земляка своего.

– Не подведу, дядя Виталя...

И.. подвел... гаденыш. Поэтому я и здесь.

– Но это еще не все наши злоключения. Наша казнь этих нелюдей, естественно, разбередило всю их мерзкую компанию, а я, скажу вам, их там было предостаточно. Как мы позднее узнали – несколько сотен человек приехали в одну только небольшую Волноваху наводить «любовь к Родине» у местных.

Пришлось и нам, как зайцам, – Виталий подал плечами, – да, пришлось и нам прятаться, почти сутки в камышах где-

то отсиживаться. Машины мы, увы, бросили. Да и куда на них, если все искали нас..

Так, где-то на третий день, мы, грязные и голодные, а тут еще, как назло, я ногу сильно подвернул, голеностоп распух и я едва полз можно сказать/ набрали на какое-то небольшое село, на краю которого стояла маленькая такая деревянная церквушка, а практически в пяти шагах от нее, по всей видимости, домик местного батюшки.

Мы постучались..

Всегда я поражался доброте и искренности простых людей. Вот и священник деревенский был, ну просто как словно из фильма «Поп» – Виталий посмотрел на ребят, – ну фильм такой был снят недавно. Там еще типа рассказ был о деревенском священнике в период немецкой оккупации.. Неужели не смотрели? – Злата как-то неуверенно пожала плечиками, а Олег отрицательно покачал головой. – Ну, вы даете! Короче, шпанятки, рекомендую, сразу же по возвращению домой качнуть фильм и посмотреть..

– Ну так вот. Был этот батюшка простой, честный, открытый и бедный..

Виталий нахмурился, было очевидно, что ему очень тяжело рассказывать дальше. Он машинально закурил сигарету, внезапно поперхнулся дымом, долго со слезами на глазах откашливался, потом выбросил сигарету и продолжал. – как всегда, ну тут уж ничего не поделаешь, одна из местных таких активных старушек, ставя свечу возле одной из икон,

внезапно спросила, а где, мол, парочка чужих, которые тут вроде бы бродили недавно и, как ей показалось, даже к нему в дом зашли..

Не знаю я, что там и как соврал ей священник, но только мы поняли по его лицу – нам надо срочно уходить и прятаться..

Далеко спрятаться, увы, не смогли мы.. затаились буквально за изгородью церкви, среди густых ивовых зарослей, росших на краю болотисто речушки.

Они приехали на трех машинах, две из которых были, словно в издевку, нашими с ним, мой на русских номерах, его на местных, хохлячих.

Крик, шум, гам, выволокли они его, бросили на землю..

Приставили к его голове автомат. Спрашивают, где, мол, москали, что тут прятались и которые их побратимов, значит, уколошили в Волновахе.

Священник, звали его отец Николай, честно и ответил:

– Были, двое, покормил их с дороги, ведь это не грех, а богоугодное дело путника приютить и накормить, коли в нужде какой он.. только вот, незадача, ушли они еще поутру, за светлом..

– Значит, ты тут у нас самый добрый и заботливый? – с откровенной и наглой издевкой в голосе спросил один из них – высокий такой и рыжеволосый, практически с красными волосами.

– Бог добр ко всем.

– И ко мне тоже, твой Бог, выходит, добр?

– Да, и к тебе, сын мой.. – спокойно и, как мне тогда показалось, с улыбкой, ответил ему отец Николай. – Ты ж христианин, значит чадо и раб Божий..

– Выходит, я вот сейчас тебе башку прострелю нахрен, а Бог твой меня простит? – С уже нескрываемой злобой и ненавистью закричал он.

– Ну коли Христос наш простил разбойника, кто на кресте рядом сним распят был, то и тебя, заблудшего, всегда простить сможет, коли и ты покаешься и попросишь прощения..

– У кого?? Я ни в чем не виноват!!

– Ну вот и слава Богу. Не виноват, и слава Богу, – священник попытался перекрестить его, тот оттолкнул руку и навел снова автомат. – Молись..

– погоди, сынок, – тихо произнес священник, дай я в церковь войду и облачусь там, как положено..

– Для чего это положено??

– Так для исповеди твоей, да вот и отпущения всем вам, заблудшим, греха убийства моего.. – отец Николай повернулся и пошел к входу в маленькую церквушку свою, повернулся к ним, стоя на пороге, – Так вы идите с Богом сюда, тут места на всех хватит, ведь это дом Божий..

Злата вскрикнула от страха.

Виталий продолжил:

– Вошли они, значит, в церковь и двери за собой закрыли. Меня такая дикая злость охватила, думал, не сдержусь и

рвану туда, начну их там резать... а потом, поймал себя на мысли, что я о дикости какой-то и грехе думаю. Убивать кого-то... и где?! В церкви..

Не убили они его. Закрыли отца Николая в его же церкви, заставили всех бабушек и жителей в деревне славить Бандеру и нести прочую околесицу, потом потребовали самогонки, напились и.. заснули в доме у священника.

– Ну и? – спросил его Олег, хотя уже и так понял, каким будет продолжение.

– Вот тогда я и не сдерживал себя и злость свою. Чуть позже, мы вдвоем зашли потихонечку в дом.. – Виталий как-то приумолк и надул щеки. – Потом мы выпустили из церкви священника и покаялись перед ним..

Он стоял рядом с нами на коленях, обнимал нас двоих и плакал вместе с нами, плакал за...их загубленные души, за души наши, которые и мы своей злостью и убийствами обрекаем на страшные муки..

– Поедемте с нами, отче, – предложил ему я, – нечего вам тут делать, ведь вернутся дружки их и..

– Не брошу я своих прихожан.

– Но, отче, но, батюшка, не глумите вы, Христа ради, ну неужели вы не видите, что это они вас и заложили этим уродам.

– Моя это паства, значит мой это грех и моя епитимья. Ну а вас я, воины христовы, благословляю на дела праведные. А мое место тут. Ну а Бог, он ведь всех нас любит..

Мы уехали в ночь на двух наших машинах, правда я, для надежности, перевесил их номера себе.

В общем, вернулся я домой, жене ничего, естественно, не сказал, да и надо быть идиотом полнейшим, чтобы о таком рассказывать кому-то.

Отделался лишь дежурными фразами, ну а о той страшной смерти и последующей каре просто забыл. Хотя. Вру. Такое хрен, когда забудешь.

Позднее, моя жена каким-то удивительным образом все-таки разузнала о трагической судьбе Оксаны и Марии, но, даже тогда я умудрился каким-то просто невероятным образом соскочить с длительного расспроса и выедания головного мозга.

Шли годы, семья и работа забирали все мое свободное время, ну а телек я и раньше как-то был не сильный любитель смотреть, а после четырнадцатого так вообще старался не включать, чтобы не слышать этот постоянный кошмар в виде нескончаемых рассказов о выкрутасах соседей, решивших однажды поутру, что они больше никому не братья. Ну да и хрен бы с ними.

– Так прямо и телек никогда не смотрел? – Олег тихо спросил Виталия.

– Смотрел, – хихикнул в ответ Виталий. – Исключительно комеди или мульты по дважды два.

– Мощно, – попытался засмеяться раненый, но, видимо,

ему снова стало больно, и он застонал. – Обожаю Футураму и Симпсонов.

– А я вот, не поверите, просто обожаю пересматривать Атомный Лес.

– Фу, там просто глум какой-то, – произнесла Злата.

– Ничегошечки ты не понимаешь в колбасных обрезках, – шутливо отрезал Виталий. – Придумать такие образы, такие сюжеты в стиле «вынос мозга подышать озоном», это нечто...

– Жизнь, в общем, стала одним сплошным днем сурка, пока, – Виталий прервался, снова выглянул и осмотрелся из окопа, – Нет, показалось. В общем, жизнь снова стала как обычно, день за днем один походил на предыдущий и, казалось, уже нового не могло произойти, как вдруг, однажды, – как раз где-то за неделю, наверное, после Старого нового года, дома раздался странный звонок.

Жена сняла трубку и ответила, потом как-то дежурно и скучно подозвала меня, со словами:

– Не могу понять кто это, но вроде бы из Богуслава...

Меня как током пронзило.

– Слушаю, – произнес я в трубку телефона.

– Добрый вечер, дядя Виталя, – на том конце зазвучал молодой с наглыми хулиганскими нотками голос. – Не узнаете меня, часом, а??

– Нет. Кто это, – ответил я машинально, хотя, в душе, я уже знал имя звонившего мне.

– Ну как же так? Дядя Виталя, что это у тебя вдруг с памятью-то стряслось??

– Молодой человек, прекратите озоровать, прямо скажите, что Вам нужно? – начал закипать я.

В трубке повисло на пару секунда напряженное молчание, после чего раздалось:

– Это же я, Никита, тот, кого ты, москаль поганый и кацап, не прирезал, а решил корчить из себя спасителя моей души и высшего судью!

– Так, завязывай с этой пьяной херней, – попытался оборвать его я, – не буду спрашивать, откуда у тебя мой домашний, это не вот уж какой секретнице. Просто говори по делу или пока.

– По делу, говоришь? – Не унимался Никита. – Ну так вот, по делу, Выгнал я твою всю родню из Богуслава, племянника упаковал в СБУ, а племянницу твою, – тут меня всего заколотило от негодования, – мы на круг запустили... Да и не один раз! И ей, ты не поверишь, Виталя, какая у тебя шалава племянница!! Ей понравилось!! И она теперь с нами!!

– С кем, с вами, – снова я попытался придать голосу равнодушное спокойствие.

– Она с нами в Азове...

Такого поворота судьбы я даже в кошмарном сне не мог предвидеть... Внучка кэгэбэшника, правнучка ветерана войны... теперь... среди нелюдей, идеалами которых были мрази, выродки и прочее отребье...

Это меня просто убило наповал.

– Пока, дядя Виталя, а вот я свое слово и не хотел держать.

А ты, – голос Никиты сквозил неподдельной гордостью, – А ты, дядя Виталя, большой и глупый старый выживший из ума романтик и идиот. А вроде бы офицер... Даже типа опыт имел... Забыл?? Враг должен быть убит. А я вот жив-здоров и теперь убиваю все, что близко тебе и дорого. И буду убивать дальше. – Голос в трубке телефона злорадно засмеялся, – и, скажу по секрету, ведь, после всего того, что было между нами, дядя Виталя, у нас с тобой нет никаких тайн. Так вот, мне очень это нравится. А ты вот семью свою все эти годы обманывал. Сам ведь убийца кровавый, а, все туда же, в моралисты, небось, и в пацифисты записался. Жена, небось, и детки не в курсе твоих подвигов там тогда, а?

Снова повисла небольшая и напряженная тишина. Виталий скрипнул зубами.

– Ну а где-то в марте, спустя, наверное, пару недель как все вот это завертелось, в наш дом еще раз постучалась беда.

В один прекрасный вечер, так ведь всегда надо рассказывать о чем-то, – грустно произнес Виталий. – Ну, так вот, в один из вечеров, которые вполне у кого-то могли быть и прекрасными, но, увы, не в моем случае, мне внезапно позвонила жена. Ну, она всегда звонила, тут ничего странного нет. Но, еще до того, как моя труба издала звуки, сердце вдруг сжалось и я, наверное, какое-то скрытое чувство, явно ощутил приход чего-то неизбежного и очень плохого.

– Да, милая, – машинально ответил Оле, так зовут мою половинку, – что-то важное? Говори быстрее, у меня вот-вот важные клиенты приедут.

– Срочно домой. – Отрезала она и резко прервала разговор, даже не объяснив причины.

Я все-таки дождался приезда клиентов, но переговоры как-то не пошли, поэтому все решили отложить заключение сделки на пару дней, чтобы еще раз все обстоятельно обдумать и взвесить. Это ведь бизнес, а он порой уклончиво и противоречиво себя ведет.

Когда я открыл дверь в квартиру, то сразу понял чуйкой, что-то очень плохое случилось. Уж как-то подозрительно тихо, даже телевизор, включенный постоянно на одном из музыкальных каналов, молчал.

– Я приехал! Эй, встречайте меня!

Снова молчание. Я разулся и заглянул на кухню – там никого, прошелся по комнатам и, только в комнате Светланы – моей дочери, увидел их, сидящих на кровати в обнимку и беззвучно плачущих.

– Так. Что такое у вас тут? – я попытался придать голосу веселость, но как-то не вышло. – Что? Земля налетела на Небесную Ось? Полюса поменялись местами? Доллар подешевел резко??

Оля посмотрела на меня.

– Свету вот в универе встретили..

Было видно, как она пыталась подобрать слова, чтобы по-

пытаться описать произошедшее.

– В общем, к ней стали подходить разные студенты и хэйтить, так ведь сейчас это называется вроде бы.

– В смысле?

– В прямом. Теперь во всех этих их сетях наша дочь из просто «Светы» стала «Светка – дочка кровавого мясника Волновахи»!!!

– Чушь какая-то, – попытался отшутиться, хотя, уже все прекрасно понял. Это дело рук Никиты. Того самого молоденького паренька, которого я тогда пожалел и не убил, а видимо, надо было.. Хотя. Значит, так Богу было угодно. Только вот для чего?..

– Почему ты мне и нам тогда не рассказал о своей поездке к Игорю в Волноваху? Я же все равно потом узнала оказией, что там его сноху и внучку убили. Почему ты промолчал?

– Ну не хотел тебя расстраивать.. – я пожал плечами. – Да и посчитал, что это, в общем-то, не наше дело и, если бы рассказал, ты меня тогда просто поедом съела!

– Ах, значит, опять во всем я виновата! – начала закипать Ольга. – Вечно ты во всем меня винишь!

– Да никогда я тебя не винил! С чего ты решила-то?

– Ну, так я напомним.. – Виталий обреченно махнул руками. – Поверьте мне, у жены всегда найдутся обоснования вины ее мужа. И они ведь были...

Результатом этого напряженного вечера и бессонной ночи стала моя неуклюжая попытка поездки в деканат Универси-

тета, что еще больше создало проблем Светлане и еще сильнее накалило атмосферу в семье. Дочка стала всерьез подумывать о переводе или академке.

Мы сидели на кухне и ужинали в напряженном молчании, лишь было слышен иногда звон столовых приборов. Даже жевали беззвучно!!

Снова раздался звонок телефона. Скажу, что я его почувствовал снова, и заранее уже шел, чтобы первому ответить.

– Да..

– Виталя, – раздалось в трубке, – Это я, тетя Галя. – Звонила моя тетя – сестра отца. – У нас тут просто беда..

Дальше пошел длинный и жуткий ее рассказ о невообразимо ужасной жизни, начавшееся сразу же после 24го февраля..

Да я уже и знал практически все...

Никита меня «порадовал» вестями с Родины.

– Приезжайте ко мне все.. – единственное, что я смог сказать тетке.

– Да будь ты проклят! – Раздалось в ответ. – Вечно ты такой у нас добренький и сердобольный!! Вечно всех прощаешь и всем хочешь что-то дать!

– Тетя Галя, ну зачем ты так..

– Так убил бы, тогда, этого твареныша и не было бы у нас горя в семье сейчас!

– Хорошо..

– Что, хорошо?! – не успокаивалась и кричала истошно в

динамике телефоне тетя. – Что опять хорошо?!!

– Я.. – было мне очень тяжело это произнести. – Я..

– Не якай! – снова закричала она.

– Я убью его. Я найду твою дочь и привезу к тебе домой..

– Да будь ты проклят!! Все беды от таких вот москалей у нас.. – и прервала разговор.

Я вернулся на кухню. Света за время разговора незаметной мышкой проскочила к себе в комнату и закрылась изнутри. Жена напряженно гремела посудой, изображая ее мытье.

– Ну? Что еще? – Не вытерпев, спросила она, дождавшись момента, когда я, изображая спокойствие, сел и отпил чай.

– Ничего.

– ДА ЛАДНО?! – Оля со злостью бросила тарелку в раковину, та разбилась. Она резко рванулась за осколками и... порезала палец. Кровь брызнула. Она ойкнула, заплакала, схватила кухонное полотенце и попыталась остановить кровь – она всегда боялась вида крови почему-то, порой даже до обморока бывало.

Я быстро встал из-за стола, обнял ее за плечи и усадил на стул возле кухонного стола. Потом резко открыл дверцу шкафчика и, вынув аптечку, открыл перекись, чтобы обработать порез.

– Отвернись, милая. Все хорошо.. – я, как мог, пытался придать тихую и нежную интонацию своему голосу.

Порез был небольшой, но не совсем приятный, так как проходил практически по сгибу фаланги. Я обработал его

и потом, аккуратно промокнул зеленкой. Оля заойкала, и я стал нежно дуть ей на пальчик, успокаивая, как мог.

Ночь мы оба толком не спали. Вернее сказать, сна как такового, толком и не было, были лишь бесплодные и раздражающие до злости к самому себе попытки заснуть или..притвориться спящим, чтобы дать жене спать. Да и она, по всей видимости, также не могла спать и притворялась.

Не выдержав такого притворства, я, стараясь быть как можно бесшумнее, прокрался на кухню, захватив с собой свой планшет.

Там я стал искать Игоря, написывая и вызванивая его по всем контактам и телефонам.

Везде отображалось, что Игорь был в сети там-то и там-то уже более месяца назад.

Тогда я выдохнул, налил себе рюмку коньяка, выпил ее и, написал Никите:

– Я сдержу своё слово. Встречай с цветами. Теперь это наше с тобой дело. Дело лишь нас двоих. Семьи в сторону.

Я отвернулся и стал зачем-то смотреть в ночное окно, словно надеясь отыскать там какой смысл для себя среди черноты ночи.

Планшет чмокнул тихим сигналом ответа.

– Допобачиння. Только мы. Племянница знатная шалава. Сожалею о дочке..

Я попытался ответить ему что-то..но тот видимо меня заблокировал, так что, все мои гневные тирады просто повис-

ли в пустоте.

– Ну и мне тогда плесни, – я поднял глаза и увидел Олю, сидевшую напротив меня. – Некрасиво пить в одиночестве. Я и не знала, что ты у меня тихий алкаш..

– Оль, ну чего ты... – машинально ответил ей я и тут же пожалел о сказанных словах. Ольга вмиг закипела, ей был нужен лишь повод, которого она ждала все ночь и который я ей, по глупости своей и недомыслию, подарил на блюдечке.

– Куда названивал и написывал? Шалавам, небось снова? – Это была классическая дежурная фраза, не предвещавшая ничего хорошего.

– Нет.

– Ах, значит, нет. – Она старалась очень тихо ругаться, и этой ей давалось с огромнейшим трудом – не хотела разбудить дочь, которая, я был почему-то уверен, не спала и была невольной слушательницей нашего ночного разговора.

– Оля, прости. Я виноват. Да. Я виноват. Я поехал к другу армейскому по его зову помощи. Мы просто планировали вывезти его семью и скарб ценный к Герке-калмыку под Элисту, чтобы они там просто отсиделись и переждали. Ну не зал я, что все так обернется..

– Что «так»? – она зло прищурила глаза. Когда Оля так делала – означало лишь еще большее осложнение в беседе и превращении ее в сущий кошмар разговора немом с глухим.

– Я, да и никто не могли предположить, что сноху у Игоря и внучку просто и бессмысленно убьют лишь потому, что

кто-то из злобствующих и в чем-то им завидовавших соседей решил оговорить ни в чем неповинных людей. Своих соседей!

– А я вот... – Оля выпила коньяк залпом. – Как-то и не удивлена ни разу. Люди всегда были злы. А уж если сосед чуть побогаче – то хоть караул кричи, как их от злости выворачивает..

И она, не останавливаясь, рассказала немного из своей детской жизни. Как их всех переселили из каких-то бараков в новые дома. Она была маленькая тогда, но помнила, что все были бедные, все были дружные, играли по вечерам в лото, ставя по копейке за карту. Как собирались вместе на праздники поочередно, и было так весело, просто и незатейливо искренне.

Как потом ее старший брат – слывший закоренелым хулиганом, вместо кривой дорожки в сторону тюрьмы вдруг поступил в строительный институт и, отучившись, уехал по распределению в Москву стоять Олимпиаду.

Как это, ну еще может быть, что ее отец не был запойным пьяницей, хотя от хорошей выпивки никогда не отлынивал, но только и исключительно с закуской, а он готовил прекрасно (Виталий всегда любил стряпню тестя), как они, никому не сказав из соседей, продали почти всю свою книжную библиотеку, которую с таким трудом собирали, заняли у кого-то из родственников еще целую тысячу и.. купили по очереди жигуленка!!!

Какую-то относительно недорогую, но все равно, жутко вожделенную всеми, тринадцатую модельку. Как сразу все стали их считать кем-то непотребным, да еще таким, что, наверное, даже Адольфик был на сотом месте.

Они выпили еще по чуть-чуть. Не тот повод был для коньяка. Но, он немного согрел их кровь и чуть растеплил душу, позволив, наконец-то выговориться друг другу.

– Да и у меня, моя хорошая, почти тоже самое было..

Он обнял Олю. Они так просидели, наверное, с минуту другую, после чего, выдохнув и собравшись с силами, Виталий произнес:

– Я оставляю на сына все дела и должен уехать туда.

– Куда? – Оля отстранилась от него и посмотрела в глаза. – Куда тебе надо опять? Что такое, Виталя?

– Я решил. Все. Тема закрыта. – Я попытался резко обрубить споры, придавая голосу жесткие и сухие нотки.

– Да поняла я сразу все еще с того самого звонка. Как ты был идиотом, так и остался. Господи! – Она всплеснула руками и закрыла лицо ладонями. – Зачем я встретила и полюбила такого дурака..

– Я дал слово много лет назад. Я простил врага, решив, что моя доброта сможет спасти его душу.

– Что? – Оля зло усмехнулась. – Тебе сколько лет? Скоро пятьдесят пять ведь, а все еще веришь в деда Мороза и розовых пони.

– Да. Идиот. Но я дал слово. Теперь это слово надо дер-

жать и выполнять обещания.

– Кому? Какие общения? Господи...– она покачала головой. Встала, прошлась по кухне, подошла к холодильнику, машинально открыла дверцу, машинально посмотрела туда, также захлопнула, вернулась и села. – Слово не воробей, так?

– Так. – Кивнул я.

– Сейчас какой век, какое время? Сейчас война и враг на пороге?

– Да нет. Никакого врага ни на каком пороге нет..пока.. – Я попытался что-то ей поддакнуть в надежде увести разговор в более спокойное русло.

– Ну так какого же рожна ты снова ерепенишься и корчишь героя из себя? – Оля начала заводиться.

– Милая. Я должен. Я сделал однажды много лет назад не одну, а несколько ошибок, о которых не жалею нисколько, хотя, порой, ловлю себя на мысли, что, возможно, совершил либо огромную ошибку, либо колоссальную глупость.

– И знаешь, Виталя, – Оля положила ему руки на ладонь. – Тут ты совершенно прав. И ошибку ты совершил, и глупость, и все вместе, когда вдруг сорвался в ночь и умотал за семь верст кисельку хлебнуть, в смысле к другу своему на выручку, которого не видел пару десятков лет наверное, да и созванивался раз в сто лет, и то, в обед!

– Оля. Прости. Я все решил. Так лучше для семьи. Так.. – он попытался подобрать слова, но ничего не находилось, – так будет безопаснее, наверное...

– Ах, наверное? – Она отняла руку от его ладони. – Даже сейчас, когда ты пытаешься говорить о своем решении, пытаешься сделать из очередной чушь вид важности, ты, – она провела рукой по волосам своим, убирая прядь со лба, – ты ни в чем не уверен!

– Оля. Так надо. Все равно это рано или поздно бы, но произошло. Только, я уверен, это могло стать куда хуже и страшнее, чем сейчас. Я решил. Я свои ошибки сделал. Я свои ошибки и буду исправлять сам.

– И о каких же, если не очередной секрет, ты ошибочках своих говоришь тут? – Оля скрестила руки на груди и пристально посмотрела на меня.

Я молчал. Я понимал, что сейчас, возможно, вся моя жизнь расколется на две части, может быть неровные части: до и после. Но я уже все решил.

И как бы пафосно это сейчас не прозвучит – я должен это сделать, я обязан это совершить, я обязан рискнуть всем и, прежде всего, своей жизнью, ради будущего своих детей, ради будущего своей племянницы, попавшей в дикий переплет и фантасмагорическую круговерть.

Я должен это сделать. В голове промелькнули слоганы, вызвавшие лишь улыбку, своего рода рефлекс, как у собаки Павлова: «Кто, если не я» и что-то в таком роде..

Но это был вовсе не рефлекс или бред. Я осознанно решил пойти добровольцем и уехать туда, на Донбасс, именно в район Волновахи. Туда, где все это началось для меня и, я

тогда надеялся, все это и закончится.

Как?

Не знаю. Бог решит..

– Оля. Я решил уехать на Донбасс. Запишусь там в добровольцы, все-таки я офицер и имел опыт, может и пригожусь.

– А, – она вдруг сделала паузу, – а как же мы? Тебе, что, плевать на нас и наше мнение? Плевать на жизнь и будущее семьи? Решил в Гастелло поиграться и наплевать на нас? Кому твой героизм и этакий вот выпендрож сейчас нужен?? Ты же сам видишь – это не война ведь, а типа наведение порядка в головах в корягу отморозившихся соседей.

– Оля, ты же сама видела, что они могут натворить, упиваясь своей безнаказанностью и пользуясь, – я кивнул в сторону спальни дочки, – беззащитностью наших детей и всех нас. Лично мое терпение лопнуло. Я не хочу больше этого..

– Чего? Чего же ты не хочешь? – Она тоже кивнула в сторону спальни дочки. Давай, может ее спросить надо тоже? Ведь тут у нас ну просто «совет в Филях» какой-то...

– А причем здесь «Фили»..

– Да притом, милый, – Оля встала из-за стола, подошла к фильтру с водой, налила себе стакан, сделала несколько глотков. – При том. Там тоже все что-то пытались типа говорить и типа их даже якобы хотели услышать.. а потом – резко ладонью по столу и «я решил сдать Москву Бонапарту». Так и у нас. Вроде мы семья, да и вопрос ты поднял не из разряда спора о цвете волос моей новой прически или длине

маникюра.

Я встал, подошел к окну. Занимался робкий весенний расцвет. Солнце длинными тонкими лучами прорезало небосвод, разгоняя темноту ночи для встречи нового дня. Очередной всего лишь виток планеты вокруг своей оси, а столько всего перемешалось и произошло! И это только в одной семье, это только за одним одиноко светящимся в ночи окном кухни квартиры.

А теперь давайте просто откинем любой пафос и сложим павлиний хвост.

То, что случилось в феврале, должно и обязано было случиться, иного варианта, увы, не было. Точнее, он был, но гораздо хуже..

Я уже взрослый, я свою жизнь прожил без стыда или угрызений совести, хотя, нет, грешу. Без угрызений совести не может никто прожить, ведь именно они, эти самые угрызения, и толкают человека либо вперед и наверх, либо вниз и в пропасть. Тут уже как каждый для себя решит.

Здесь не надо быть стариком и размышлять о марлине, но никогда не помешает помнить о взгляде князя и его мыслях в момент кручения возле него ядра с зажженным фитилем.

В прочем, и о марлине можно подумать.

Я повернулся:

– Решено. Я уезжаю. Дело оставляю на Димку – так моего старшего сына зовут. Тем более, что ему это дело нравится и он постоянно что-то выдумывает для развития бизнеса. Так

что гештальт с «передачей семейного дела детям» я закрыл.

– Ах, значит, для тебя мы и все вокруг теперь не семья, а «гештальты»? Прекрасно. Я какой по названию?

– Ну не так хотел сказать...

– А сказал именно так, как и сказал! – Отрезала Оля.

– Окей. – Я потер лицо ладонями, словно разминая его и окончательно прогоняя так и не наступивший сон. – Я уезжаю туда. Тема закрыта. Я оставляю дело сыну – он молодец. Я решу все вопросы как можно быстрее и обещаю вернуться целым и невредимым. Я не хочу, чтобы вся эта грязь так и осталась безнаказанной и в конце концов добралась сюда и затронула детей. Свету это уже настигло. Я хочу заткнуть пасть ему.. – Я сделал паузу. – И таким, как он. Навечно. Я взрослый, я все-таки воевал и знаю, как там и что там может быть. Я не хочу, чтобы молодые погибали. Я не хочу, чтобы молодым резали глотки, стреляли в колени и сжигали живьем! Я не хочу видеть, как некоторые из молодых, да и не из молодых, кто как-то попал в плен, что-то стыдливо мычат или размазывают соплю. Мне стыдно!!

– Ой... – она заплакала. – Ты спроси вот, к примеру, нашу Свету, – надо ей этот твой героизм и самопожертвование или нет? У нас армия контрактная, значит, там люди пришли сознательно. Им деньги платят, и неплохие деньги, да и льготы разные там...ну и в случае чего... – Она замаялась на секунду. – да! В случае чего семья и деньги получит, и детки без заботы Родины не останутся!! А ты? Ты куда?

– Причем здесь деньги..– я пожал плечами. – Есть такое понятие – Родину защитить в трудную минуту.

– А причем здесь Родина и.. – Оля недоумевающее посмотрела на меня. – Ты, часом, не спутал ли Божий Дар с яичницей, Виталя?

– Оля. Я ведь все-таки родом оттуда. Из Богуслава. Из-под Киева. Так что это, увы и ах, но и моя Родина, как ни крути. Я там родился и кому, как в том числе ни мне, теперь вернуться туда и навести там порядок.

– Ух, ты... герой – Она с нескрываемым сарказмом ответила на эту мою длинную тираду. После чего, молча, встала и вышла из кухни, оставляя меня наедине с самим собой и наступающим утром.

– А может, все-таки, плюнуть, а? – Мелькнула мысль в голове. – Но ведь она по сути своей права. Армия у нас контрактная, все готовы и обеспечены, мне, зачем туда влезать?

Оля пришла вместе с дочерью. Света не спала – было видно, что она волнуется и встревожена услышанным от нас.

– Вот. – Оля кинула ей на меня. – Полюбуйся. Отец сошел с ума и решил уехать бандеру воевать. Ты хоть Христа ради угомони его, может у тебя получится достучаться до его бес-толковки..

Света стояла и молчала. Было видно, насколько тяжело и трудной ей сейчас не только что-то сказать вслух, но и просто осознать суть происходящего на кухне.

– Пап.. – Она громко вздохнула. – Мама, все-таки, пра-

ва.. ну куда ты намыливаешься? Хватит геройствовать, пожалуйста...

– Вот. – Оля уперлась руками в бока. – Послушай хотя бы дочь свою, раз мои слова как об стенку горох. Хватит геройствовать!

– Папуля, я знаю, что ты у нас никакой не трус, и дай Бог, чтобы и другие отцы были такими. Но, может, все-таки...

И в этот самый момент, в эту секунду я понял, меня озарило! Дочь моя меня поддерживала! Именно эта фраза, казалось бы, незначительная «все-таки» раскрыло мысли Светланы. Она полностью была на моей стороне, как бы ни тяжело это было для нее.

Позднее, когда мама отошла в спальню, она шепнула мне:

– Накажи их, пап..

Ольга долго не возвращалась.

– Дочь, сходи, глянь что там с мамой..

Света быстро вышла из кухни.

«Вот и все. Шутки закончились. Теперь начинается серьезная жизнь»..

Они вернулись. Оля несла в руках пакет с семейными документами.

Она села, положила их на кухонный стол и стала откладывать мои в стопочку.

– Это тебе необходимо.

– Спасибо, милая..

В этот момент словно какая-то неведомая сила заставила

жену и дочь подойти к отцу и обнять его, прижавшись с обеих сторон.

Есть такие моменты, не в каждой судьбе или жизни человека, но они должны и обязаны быть, иначе самому человеку невозможно будет без них отличить себя – человека, от какой-то вещи или слизняка.

– Каждый может столкнуться с выбором, – произнес я, – с выбором непростым, с выбором зачастую очень тяжким и способным разом переломать всю жизнь. Но, именно этот выбор делаю я. Я уйду добровольцем на войну, уйду не потому, что без меня там ну просто катастрофа, нет! Я просто сделал выбор и решил отдать свой стране и всем, кто в ней живет, даже если кому-то из них откровенно наплевать на то, с чем мы все столкнулись и что, возможно, именно их бесхребетность может принести огромный вред и им самим, и их семьям, я буду защищать вас и ваше будущее. И, как бы не решила судьба, я не подведу и не опозорю ни вас, мои родные, ни память предков наших.

– Так прямо и казал? – Злата вытерла украдкой слезинку.

– В общем-то, да..

– А ты нашел его, ну этого Никиту?..

– Да. Там..

– В Мариуполе?..– Олег с удивлением посмотрел на Виталия.

– Там.

– И как?.

– И никак. Он погиб, а племянница с плену сидит, сопли на кулак наматывает..

– Так почему же ты тогда не вернулся домой и не бросил все это???

– Видимо лишь для того, чтобы рассказать вам эту историю.

Злата.

Нудно заработал КПВ со стороны националистов. Его чуть глуховатый и протяжный, словно натужный, звук выстрелов сложно с чем-либо другим перепутать. Кажущаяся медлительность в каждом выстреле, тем не менее, сливается в монотонную симфонию смерти и разрушений. Те, кто никогда не сталкивался с подобным, вряд ли смогут себе представить этот звук, но по сути своей и скорости он, скорее напоминает момент из фильма «Маска» где главный отрицательный персонаж, превратившийся в Зло, выплевывал в противников пулями: Тук, пауза, тук, пауза, тук..

Злата вот уже несколько месяцев на передовой, но все еще никак не может привыкнуть к звукам взрывов и выстрелов. Каждый раз, невольно съеживаясь и стараясь втянуть голову в плечи, что со стороны выглядело для мужчин, окружавших ее, настолько умилительно и трогательно. Не удивительно, что, потом, в минуты затишья, каждый из находившихся

поблизости от нее, считал своим долгом как-то поддержать и успокоить девушку. Ну и, естественно, не находил ничего лучшего – мужчины они такие, как протянуть что-нибудь из сладостей.

Но самым трогательным, по ее мнению, был момент, когда после какого-то очередного и жутчайшего артобстрела, когда, казалось, все и вся вокруг будет перемешаны в дикой смертельной мясорубке, она, бинтуя какого-то раненых донецких ополченцев, воевавших плечом к плечу с нашими войсками, вдруг увидела, как один из них – пожилой и седой мужчина лет за шестьдесят, наверное, с какой-то обезоруживающей и чуть виноватой улыбкой протянул ей.. мандарин.

– Порадуй себя, дочка, – едва слышно, преодолевая боль, прошептал он, – порадуй и меня, старика. Внучка дала мне его с неделю назад на счастье..

И он смолк, глаза его широко раскрылись, словно выпуская в небеса что-то огромное, он сделал несколько, кажется ей до сих пор и она с каждым разом все увереннее считает, три вдоха, после чего умер.

Злата прикрыла его глаза ладонью и тихо плакала, сживая в своей ладони, перепачканной кровью и грязью окопа, этот большущий мандарин, который едва помещался в ее ладони.

А теперь вот они, трое из оставшихся в живых после не совсем удачной контратаки, скорее разведки доем, сидели в полуразрушенном окопе украинского укрепрайона, оказавшегося по какой-то дикой причуде в серой зоне, в этой те-

перь уже ничейной территории, а противники щедро заряжали друг по другу снарядами, лишая каких-либо шансов противнику закрепиться или отбить обратно этот проклятый богом участок земли, перепаханный вдоль и поперек.

– Я родилась в Егорьевске, это малюсенький такой городишко под Москвой. Папа у меня украинец, ну а мама из местных Егорьевских, русская. Приехал в самом начале девяностых на заработки – он у меня толковый строитель и архитектор по образованию. В общем, дела у семьи пошли как-то с божьей помощью и, когда мне исполнилось три года, мы перебрались в Москву, мама и папа купили там приличную среднегабаритную трешку в одной из свечек, выскакивавших тогда словно грибы после задорного летнего дождя в старом районе Перово. Это на Востоке Москвы. Тихое такое местечко, все в деревьях и милых пятиэтажках из силикатного кирпича. Такое уютное, словно Юрий Антонов написал именно с него свои прекрасные стихи про улицы... правда придал им более красочные названия. Ну да я не в обиде.

Злата поправила Олегу капельницу, висевшую на импровизированной стойке, которую она соорудила из неисправной СВД, грустно улыбнулась и продолжила свою историю:

– Жили мы просто прекрасно, можно сказать: душа в душу. Я, наверное, всего два или три, может, раза могу вспомнить моменты, когда родители ругались. Первый раз, когда в 1998 году они, думали, что прогорели из-за того «черного дня», но, оказалось, что папин клиент, летевший в этот

момент с деньгами из Петропавловска-Камчатского, вез его долю не в рублях, а в долларах.. Так что можно сказать – этот случай не в счет.

– Второй раз родители очень сильно спорили, практически готовые перейти на крик, когда обсуждали мое внезапное решение не доучиваться в школе 11 классов, а поступать в медицинский колледж. Мама пыталась доказать отцу, что я, мол, права, и так смогу существенно сэкономить деньги для будущих оплат за универ. Она всегда практически была на моей стороне, кроме, разве что, последнего раза. – Злата как-то вмиг погрузилась, но тут же совладала с эмоциями и воспоминаниями, видимо, захлестнувшими ее, тряхнула головой. Вышло довольно-таки смешно, ведь она была в тактическом шлеме, который был великоват ей по размеру и сейчас невольно съехал на лоб, закрыв лоб и глаза.

Виталий, увидев это, засмеялся и поправил шлем, сдвинув его назад и открыв красивое лицо девушки, перепачканное грязью и запекшейся кровью, но не ее, а видимо кого-то из раненых, возможно и Олега, когда она быстро пыталась остановить кровотечение у него, накладывая турникет на бедро.

Она поблагодарила его, провела взволнованно пальчиком под носом, словно маленькая девочка, было так мило смотреть на этот ее смущенный жест, и продолжила:

– Отец, я понимаю сейчас его правоту, был просто шокирован моим таким вот абсолютно нелогичным, с его точки

зрения, решением и выбором, но, видимо, его гораздо больше поразила полнейшая поддержка со стороны мамы. Он пытался, как мог и даже через не могу, достучаться и до здравого смысла, ну и, прежде всего, видимо до меня и моего сознания, приводя кучи примеров и аргументов. Но мы, женская часть нашей семьи, были заодно и полностью непреклонны в своем решении, казавшимся нам идеальным и наилучшим во всех смыслах. Сами ведь, наверняка, дядя Виталий, – Злата с улыбкой обратилась к нему, – знаете, что спорить с нами – женщинами бессмысленно, непродуктивно и себе дороже, в особенности, если женщина окажется неправа, ну или это выяснится впоследствии.

– А чего такая паника-то была? – тихо спросил ее Олег, приоткрывая глаза. Он до этого момента просто лежал с закрытыми глазами и, молча, слушал. Ты хреновато училась, да?

– Нет. В том-то и дело. Я шла на золотую медаль. Но, вот сейчас я сама себе не могу толком ответить, что и как именно вдруг, ни с того, ни с сего, меня толкнуло на такое решение. Может гормоны чуданули сверх меры.. может просто, слишком уж все тихо и гладко было в жизни моей и захотелось найти себе на попку приключений.

– Не было забот, да купила баба поросенка.. – с усмешкой вставил Виталий.

– Именно в этом смысле. Ты, дядя, Виталий, как всегда мудр и прав.

Виталию не очень нравилось, когда его называли дядей. И вовсе не по причине его возраста – ведь, он был практически вдвое старше этих двух молодых людей, которых судьба решительно и необъяснимо забросила сюда, на Донбасс, и, по какой-то только ей одной понятной и ясной причуде, вдруг оказавшихся в одном полуразрушенном окопе под практически непрекращающимся обстрелом. Причина была проста. Его так называл тогда прощенный им Никита. Это слово стало просто ненавистным теперь для Виталия.

– Правоту своего отца я поняла потом, позднее, когда уже отучилась больше года в колледже. Никаких преимуществ с последующим поступлением якобы без экзаменов или с какими-то преимуществами, которые так живо и красочно любят расписывать абсолютно все рекламные буклеты и сайт всех абсолютно колледжей, нет. Это я поняла. Но было уже поздно и других вариантов, увы, не было. Колледж. Потом универ. Если получится, то на бюджет, если нет – платное.

– Мне еще мой отец сказал в детстве, что спорить с женщиной глупо и себе дороже. Тупо соглашайся. – С трудом попытался при этом засмеяться раненый Олег.

– Истину глаголешь, отрок, – кивнул Виталий.

В это время с украинской стороны снова начали обстрел. На этот раз снаряды ложились до странности кучно, с каждым из взрывов все ближе и ближе к ним.

– Видимо комара подняли.. – Олег высказал свое профессиональное мнение как оператора БПЛА. – Вот и корректи-

руют по ходу дела.

Виталий быстро связался по рации с кем-то, попросив брызнуть дихлофосом от комаров. Это он просто просил силы РЭБ глушануть дрон украинцев, после чего быстро выключил рацию, чтобы она не сгорела вдруг.

Что-то плюхнулось неподалеку, чуть в сторону по направлению к позициям ополченцев и наших частей.

– Комарика свалили, – удовлетворенно отметил Виталий, включил рацию и практически сразу услышал подтверждение правоты им сказанного. Дрон был дезориентирован и сбит. Украинцы именно через него и корректировали обстрел.

Они выждали еще немного, вслушиваясь в грохот разрывов снарядов, которыми в ответку закидывали наши по позициям противника. Когда снова всё стихло, Злата продолжила свой неторопливый рассказ:

– В общем, папа оказался полностью прав, с чем мы его и поздравили. К нашему с мамой удивлению, папа совершенно равнодушно и ровно принял эти признания собственной правоты, прозорливости и способности предугадывать будущее, собрал нас, можно так сказать, в охапку, и отвез в ресторан, где мы премило провели прекрасный семейный ужин, после которого папа даже премировал нас с мамой. Кинув нам на карты по приличной сумме для шопинга. Ведь ничто так в мире не радует женщину, как шопинг или посещение салонов красоты.

Злата сделала паузу в своем рассказе и, как-то, грустно улыбнулась снова. Личико ее, даже, несмотря на всю его перепачканность грязью и кровью, стало настолько умирительно нежным, что ни в кого в голову не могло влезть, как это ангельское создание вдруг оказалось в крошечном аду.

– В общем, отучилась я героически это свой колледж и, после всех этих наших с мамой и, прежде всего, моих глупостей, поступила в мед, правда уже на платный курс. Тогда же я и познакомилась с Сережей, своим женихом и, – тут она не выдержала и заплакала, но быстро взяла себя в руки, совладала с нахлынувшими на нее эмоциями, вытерла слезу, скатившуюся по ее грязной щеке и оставившей чистый след. – Теперь уже бывшим женихом и без пяти минут мужем.

Она поняла, что это ее рассказ ни что иное как покаяние, тут надо или идти до конца, честно и без прикрас, рассказывая все полностью, до самой мелкой и, кому-то может показаться, незначительной мелочи, ведь иначе теряется весь смысл показания – очищения души и совести.

– Познакомились мы как-то в середине августа. Меня, помнится, еле уговорили подружки смотреть с ними на карьеры в районе Люберец. Там я и познакомилась с ним. Как? Смело. Я даже опешила от такого его напора и отчаянной наглости, раскрыла рот и, как словно во сне, просто продиктовала Сереже свой номер телефона. До сих пор у меня в голове не укладывается, как это могло со мной произойти. Наверное, судьба. Хотя, я теперь с точностью и абсолютной

уверенностью могу сказать – это была любовь. Именно любовь. Да. Любовь! С первого взгляда. Даже самой это осознать сейчас как-то нелепо. Я много читала, вспоминала стихи, но никогда бы не смогла подумать, что все описанное – полностью не соответствует моим тем ощущениям этой любви. Словами передать невозможно. Когда я вернулась домой, отец, как в прочем всегда, никакой разницы во мне не разглядел, а вот мама, – она снова улыбнулась, очень трепетно и нежно, – а вот мама, как раз-то, и заметила. А вечером, после ужина, видимо удостоверившись в правоте своих выводов, постучала ко мне в комнату и, присев на краешек постели, сказала:

– Ты влюбилась.

Все мои робкие попытки протеста были настолько неуклюжи и смешны, что я, просто молча, кивнула ей в ответ, после чего мы обнялись и...обе зарыдали. От переполнявших нас чувств и счастья. На звук наших слез в комнату влетел отец, который был просто в дикой растерянности и неведения от увиденного им сейчас.

– Златуся наша влюбилась. – вытирая слезы радости, сообщила ему мама.

– Так она, помнится, влюблялась до этого раз триста, – попытался сострить в ответ папа, но, наткнувшись на резко посуровевший взгляд мамы, виновато пожал плечами и сказал: – Ну и, слава богу, значит..

Злата снова прервала свой рассказ и занялась сменой ка-

пельниц Олега, попутно сделав ему очередной укол обезболивающего.

– Эх, надо бы его как-то вытаскивать отсюда, – вздохнула она, снова усаживаясь между ними. – Вроде чуть стабилизировался, но большая кровопотеря дает знать.

– Я в порядке, все будет абгемахт – пошутил Олег и попытался изобразить из себя бодрячка.

– Это что еще за слово такое? – Злата посмотрела на него.

– Да хрен его знает, – ответил Олег. – В какой-то комедии услышал давно, в детстве еще смотрел. Там такая фраза была типа все будет в порядке, но почему-то «абгемахт»...

– Так. Пошутили. И хватит. – Злата была намерена все-таки до конца рассказать эту свою историю. – В общем, где-то на ноябрьские праздники, в прошлом году, Сережа сделал мне предложение. Не надо так смотреть. – Она улыбнулась. – Мы уже с год как жили вместе. Сережа после окончания военки и получения лейтенантских погон был откомандирован в Реутов, такое местечко за МКАДом, буквально рукой подать. Счастье наше было безмятежным, радужным, казалось нам, бесконечным.

Предложение он мне сделал, тут вы наверняка удивитесь, очень и очень неожиданно. Просто как-то позвонил мне после обеда и, взволнованным голосом произнес какую-то ересь о юбилее начальника, про который он все время помнил, но вот внезапно забыл, а он даже презент приготовил, а еще забыл мне сказать, что начальник вроде нас ждет вместе

вечером в ресторане. В общем, как снег на голову вывалил на меня кучу разной информации, видимо, чтобы обескуражить и не дать мне сообразить, что и как. А перед этим, вот жук! – Злата рассмеялась, – Этот жучина отправил ни с того, ни с сего, меня в салон красоты, сославшись, что типа не пора бы вам, девушка, свою прическу привести в надлежащий вид и завязывать с неопрятностью.

В общем, я быстренько приделась-накрасилась, захватила какую-то красивую коробочку в подарочной упаковке с бантиком, и вечером приехала в ресторан.

Там было много народу, я поначалу даже немного опешила и растерялась, увидев там, своих и его родителей, но, не придавала этому особого внимания, ведь, к примеру, его родители были прекрасно уже знакомы с его начальством, так что, вполне могли и моих пригласить.

Я поздоровалась, протянула Сереже коробочку, но тот вдруг попросил ее распечатать. Я так и сделала – внутри оказалась красивая коробочка-футляр. Сережа снова ее попросил открыть, и, когда я раскрыла ее, то увидела там красивое кольцо для помолвки с небольшим искристым камушком и.. – она заплакала, но, шмыгнув носиком, продолжила, – Сережа встал на одно колено и, со словами: «Злата, моя любимая, будь моей женой», взял это кольцо и протянул его мне, предлагая надеть на пальчик.

Я был шокирована, удивлена и.. восхищена. А все гости вокруг, вдруг, хором, произнесли: Злата, будь его женой!

Дальше все было, как в тумане или как в прекрасном кино, где невеста с мамой и подружками все такая в суете, заботах, охах и ахах, в выборах цветов, платья, гостей и прочих приятных разностей, сопровождающих будущую свадьбу.

Снова обстрел. Но на этот раз работали наши, видимо устраивали заградительный огонь, чтобы с той стороны отбить желание снова захватить этот опорник, находящийся сейчас на ничейной земле.

После него, откашлявшись, Злата продолжила:

– Я совершенно забыла рассказать, что у папы была еще дочка, на два года старше меня. Она родилась и жила в Хмельницком, вместе с ее мамой и бабушкой. Как-то так получилось, в общем, не совсем хорошая такая история, что мой папа не был женат на ее маме, но она родила девочку, которую папа признал, они жили вместе не расписанные, но семьей. А тут, в общем.. – она умолкла, подбирая слова. – В общем, папа мой типа уехал в Россию на заработки, отправлял деньги туда семье, а потом, – она сжала губы, – потом он, получается, бросил ту семью, женился на маме, ну и я родилась. Сестренку мою зовут Оксана. Красивая, бойкая такая и... – Злата нахмурилась. – Шустрая чрезмерно. Мама моя отнеслась к этому с пониманием, хотя, тут я смутно помню, ведь маленькая была, вроде бы они имели несколько напряженных разговоров, или мне это кажется. Но вот бабушка моя, когда узнала об этом, долго ворчала и до сих пор относится к папе с некоторой настороженной холодностью, так и

не простив, видимо, это его поступок. Хотя. Ну это судьба. Да и мама, позднее уже, мне в сердцах проговорила, что и сама была шокирована, ведь узнала о существовании Оксаны и его той семьи на Украине лишь после свадьбы и после моего рождения, когда, она случайно наткнулась на квитанции денежных переводов через какую-то платежную систему. У них был напряженный разговор. Мама тогда была беременна вторым ребенком. Сильно, видимо, перенервничала и, – Злата захлопала носом, – потеряла малыша мама..

Было еще, как поняла, потом осложнение и. – Она снова поджала губы, – в общем, других детей, кроме меня, они больше не завели.

– Оксану стали часто мы приглашать к нам в гости, она, а пока она была маленькая, сделали несколько поездок-вылазок туда к ней. Скажу лишь, что я вот не очень сильно была рада обретению сестрички. Вернее, сначала была просто на седьмом небе от счастья, а вот позднее, столкнувшись с ее характером и некоторыми странностями в поведении еще в детстве, стала как-то с опаской к ней относиться.

Во-первых, еще будучи маленькой, она почему-то любила исподтишка задирать меня и даже несколько раз незаметно щипала, я, естественно, жаловалась. Но Оксана, а она уже тогда была великой актрисой, делала такое недоумевающее ангельское личико, что я, невольно, представала перед всеми, даже перед мамой моей, неким избалованным эгоистичными исчадием ада, затравившим бедную сиротку.

Во-вторых, Оксана любила, почему-то всегда играть больше с моими куклами и игрушками, хотя, папа покупал нам сразу по две одинаковых, ну сами понимаете, зачем смотреть, как детки между собой грызутся из-за одной куклы или пупсика. А так, купил сразу две, и нет проблем. Так вот, Оксана практически всегда, как бы заигрывалась и... нечаянно ломала именно мою игрушку, а не свою. Свою же она не трогала и мне не позволяла. Ну а когда я снова плакала и жаловалась, и мама, и папа меня успокаивали, говоря, что, мол, ничего страшного, ну с кем не бывает и в таком вот роде. Лишь бабушка моя почему-то мне верила. Она несколько раз наедине выговаривала маме, но та пропускала мимо ушей ее слова.

А теперь, я вынуждена вам рассказать и покаяться в своей глупости, ревности и.. – Злата отпила немного водички, любовно предложенной ей Виталием, который прекрасно понимал, насколько ей сейчас тяжело снова вспоминать прошлое, которые, судя по всему, и доставило ей много горя.

Солнце было в зените. Летняя жара висела над окопом густым малоподвижным маревом. Труп убитого украинского боевика, свесившийся вниз головой сбоку от них начал облепляться противными зелеными трупными мухами. Их омерзительное жужжание крыльев, это выворачивающее наизнанку звучание, было сопутствующим фоном войны. От него не скрыться, не убежать, даже если заткнуть уши и закрыть глаза, этот звук все равно будет звучать в голове и,

отражаясь от стенок черепной коробки, многократным эхом мочалить душу. «Он сам виноват, – успокаивала себя она, глядя мельком на свисавшую руку убитого, – ну кто его просил? А кто нас просил... – промелькнула в ее голове какая-то шальная мысль, словно кто-то другой, таившийся где-то в самой потаенной глубине ее сознания, тихонько нашептывал. – Мы-то какого хрена здесь делаем?»

Злата знала, для чего, зачем и почему она здесь. Здесь, среди смерти, среди крови, среди боли и вселенского горя галактического масштаба. Это, если смотреть с человеческой точки зрения. Ну а для планеты это был всего лишь очередной вокруг своей оси и только. Для Златы фронт был ее искуплением, ее гекатомбой, ее дорогой снова к счастью через тернии крови, смертей и этой нескончаемой человеческой мясорубки. Она своими руками угробила свою счастье и она своими же руками вернет его назад, восстановит и снова... – Она улыбнулась, вспоминая ласки Сергея, вспоминая их безумные ночи и дни, когда она, понастроив себе планов на выходные, тупо их херили и, вместо всяких там движняков по магазинам и Москве, тупо не вылезали из постели, упиваясь и наслаждаясь друг другом..

– Ну а теперь о главном, ведь все это сушая безделица по сравнению с мировой революцией, – вдруг пошутила она. – В общем, пригласили мы и Оксанку. Она, какое-то время отказывалась, приbedнялась. Вполне понятно, ведь их семья жила бедно по сравнению с нашей, ну а мама ее, так и не

устроив своей жизни, лишь родила еще двух детей от двух разных мужиков, да и спивалась потихоньку. В общем, полная задница там была. И отчасти, возможно, а почему нет? Возможно, именно отец мой и был виновником невольным всего этого. Ну не уехал бы он тогда на заработки, может, все и было тогда иначе. Короче, я цыкнула на нее и сказала, что обижусь, платье и все что надо будет, а она мне необходимо, потому что сестра, а других у меня нет, и еще что я вижу ее свидетельницей на свадьбе. А когда так, типа вскользь, обмолвилась, что один из сослуживцев моего жениха видел ее фотки и можно сказать без ума от нее, Оксана согласилась.

– Это я сейчас уже понимаю, что Оксана всегда и во всех своих бедах подсознательно винила нашего общего отца, она его любила, но прятала это чувство под ненавистью и тем дефицитом общения в детстве, которое он был должен и обязан дать ей, но вместо этого все досталось мне. Ну а я просто была лишь тем самым символом ее невезения, символом несостоявшейся другой жизни, символом, уничтожив который, ну или хотя бы, навредив, изломав который она бы смогла отомстить своему отцу, которого и любила, и ненавидела больше всего на свете.

– Хренасе вираж, – вздохнул Олег.

– Мда, – согласился с ним Виталий.

– Я тогда еще всего этого не знала, да и не хотела даже думать о таком. Вся в делах прекрасных, вся в радужных мечтаниях, витаю себе в небесах, словно бабочка, и не замечаю

реальность жизни вокруг. И вот, когда.. – Злата вдруг хлопнула себя по лбу, засмеялась, но наигранно и с какой-то неискренностью бросившейся в глаза. – Ой, нет. Рано! Мы встретили Оксанку и, толком даже не дав ей отдохнуть с дороги, принять душ и привести себя в порядок, хотя, нет, лукавлю. Дали ей, конечно же и помыться, и покушать, что мы злыдни что ли какие. В общем, мы с ней были одного размера и роста, так что ряд платьев уже ожидали ее в одном из свадебных магазинов.

Небольшая веселая поездка на метро, с шутками, как всегда, с ее стороны. А она, замечу, была ну просто вулкан искрометности, всяких там шуточек, и вся такая постоянно на позитиве и на драйве, словно в ней был маленький атомный реактор. И вот мы в магазине. И вот мы обратно едем на такси, и еще по дороге заказываем в доставке нам несколько бутылок отличного шампанского, фруктов и еще всяких вкусностей.

Теперь нас, как я тогда думала, вернее моего безграничного счастья вместе с любимым, разделяют всего несколько дней.

Приехали мои подружки, Оксанка очень быстро со всеми ними перезнакомилась и, вот уже через час, наверное, была душой нашей девичьей компании и вела себя так, словно все были знакомы чуть ли не с горшков в детском садике.

Ее предложение совместной предсвадебной вечеринки накануне было, сначала, принято девочками в штыки, но,

Оксана не была бы Оксаной, если бы не смогла уговорить их и всем нам внушить именно ее план, казавшийся тогда если не идеальным, то просто прикольным и, – Злата задумалась, видимо, подбирая синонимы и слова, – довольно-таки занятным-забавным.

– Девочки, ну не тупите, блин. – Сказала Оксана. – Всегда у нас, у славян, была такая традиция, ведь как еще девки знакомились в древности с парнями? А только вот на свадьбах и на вечерях, когда типа приносили «рубаху» жениху. А у него собирались ребята, ну а невеста приходила с подружками. Вот и знакомились так. Вот и мы, типа предложим такую вечеринку, будем все в масках и в одинаковых одеждах. (Я тогда и догадаться не могла о наличии у нее коварного плана, просто эта идея мне тоже запала в душу.)

– Сергей, воспринял идею на ура. Среди его товарищей и сослуживцев офицеров были неженатые ребята, так что, почему бы нет. Он снял в Малаховке огромный коттедж, был там даже крытый бассейн и баня. Коттедж был ну просто колоссальный – куча комнат, зимний сад, огромная кухня, переходящая в столовую и не менее просторное помещение, где было решено устроить танцульки.

И, главное, еще два дня до свадьбы. Так что, и ребята, и девочки, были довольны этой идеей приятно время, ну и, чем черт не шутит.

Мы приехали, Сергей и ребята заказали кейтеринг в одном из ресторанов, так что стол был уже накрыт и всего было

вдоволь. Мы с девочками были, наверное, на седьмом небе и от счастья, ну и от приятных предвкушений от этой вечеринки. Тем более, что, как я поняла, одну из сослуживцев нравилась одна из моих близких подружек, Лёля, ну а на Оксанку положил глаз двоюродный брат жениха.

Быстро переодевшись в одинаковые топики и джинсы, мы стали практически неотличимы друг от друга, ну разве что цветом волос и прическами. А в масках, да еще и с приглушенным светом, вообще хрен отличишь, кто есть кто.

Вечер был в самом разгаре, было выпито много шампанского, было весело, мы все танцевали, пели караоке, дурачились, смеялись и целовались напропалую. Я была счастлива, ну а вдвойне еще и от того, что Сергей меня сразу же узнал, ни с кем не спутал, что еще раз убедило меня в его безграничной любви ко мне.

Господи! Как же я была счастлива тогда! Это настолько непередаваемое чувство, которое полностью охватывает тебя и растворяет в себе, лишая тебя границ и вообще телесной сущности и превращая в невесомое эфемерное, но безумно счастливое существо, которое светится любовью и готова была согреть ею весь мир вокруг.

Ну а если много вдруг счастья, то, согласно закону подлости, следом нагрянет непременно и горе, причем также в дичайшем количестве.

Мы танцевали и снова выпивали. Опять пели в караоке, выдумывали какие-то конкурсы и развлечения. Сергей был

вокруг меня и одновременно где-то вдали. В какой-то момент у меня немного закружилась голова, видимо все-таки я переборщила с шампанским. Я отошла в туалетную комнату, где, как назло меня так сильно разморило, что, видимо, я даже чуть не уснула, но очень долго лила на лицо холодную воду из крана, пытаясь прийти в нормальное состояние.

И вот, когда я вернулась, вечеринка уже немного утихла и несколько ребят и девочек исчезли, видимо уединившись, кто где по своим интересам. Двоюродный брат с кем-то из офицеров и девчонками, я думала тогда, что Оксанка ушла с ними, отправились в баню и бассейн, что в принципе было очень даже неплохо, я и сама думала, там поплавать и освежиться.

Сергея нигде не было. Я решила что он, возможно, пошел в комнату, но, зайдя, его не обнаружила. Тогда я, прихватив с собой купальник и полотенце, немного шатающейся походкой пошла в бассейн. Но и там Сергея не было, ну а ребята снова выпивали с моими подружками, весело смеялись, снова чуть ли не силой заставили меня выпить рюмку кажется водки. Брр. Не люблю ее вкус.

Я, ощущая какое-то своеобразное неприятное (лично для меня) сладковатое послевкусие водки – услышала тихий приглушенный девичий смех и заглянула в зимний сад.

Лучше бы я сдохла тогда или заснула в том туалете!

В темноте оранжереи были видны две человеческие тени: парень и девушка. Парень прислонился к какому-то деревцу,

ведь зимний сад был просто суперским, даже деревья, типа тропических там даже росли. Я не знаю их названий, наподобие больших таких фикусов или наподобие. Да и неважно это уже.

И так. Парень стоял, спиной прислонившись к дереву, а девушка, сидя перед ним на коленях... в общем... – Злата заплакала. – В общем, как мне тогда показалось, ну, в общем... – ее голос дрожал, готовясь сорваться на плач.

– Успокойся, малышка, – Виталий попытался как-то подобрать слова для утешения.

Злата разрыдалась и, прижавшись к его броннику, спрятала лицо. Были слышны лишь ее всхлипывания. Она дрожала всем телом. Было видно, насколько тяжело ей сейчас приходилось рассказывать об этом. Прошло несколько минут, плач ее постепенно стихал. Злата отняла голову от груди Виталия, вытерла слезы, и продолжила:

– Я решила, что увидела как... – она снова всплакнула, ее губа задрожали. – В общем, я закричала. Сергей... это был он, услышал мой крик, и, глянув вниз, резко оттолкнул от себя силуэт девушки, которая оказалась... Оксаной.

Это сейчас я поняла, что застала их еще до момента измены мне, в момент, когда Оксана пыталась расстегивать его джинсы, но тогда, тогда у меня все застлало красным, я была потрясена этой, как мне тогда казалось, жуткой изменой моего любимого мужчины! Я... я.. мир рухнул, Земля остановилась и... после секундной паузы, пошла в обратную сто-

рону. Я упала и потеряла сознание.

Кто-то тряс меня и целовал, пытаюсь привести скорее в чувство. Я открыла глаза – надо мной нависало лицо Сергея, он был бледен и ужасно напуган.

– Не смей ко мне прикасаться! – закричала я, он пытался что-то лепетать в свое оправдание, но я не слышала ничего, в моих ушах гулким набатом бил лишь пульс, а в голове уже сидела четкая мысль – нахрен отсюда! Нахрен отсюда и как можно быстрее!

Не помню уже, как я выбралась. Помню лишь отрывками, какими-то разорванными участками. Вот я выскакиваю на мороз, а ведь дело было в январе этого года, ближе к Татьянинному Дню, кажется. Я просто забыла, вернее, приказываю себе забыть обо всем. Но. Никак. Этот вечер настигает меня каждый раз, когда, казалось, я напрочь изгнала все воспоминания и перегрузила память.

Помню, как сижу в такси, кажется, Сергей бежит за машиной и что-то кричит, машет руками. Помню лишь глаза матери, которая открыла мне ночью дверь нашей квартиры. Ее глаза, полные ошеломляющего понимания того, что с ее единственным ребенком случилась какая-то страшная и непоправимая беда.

Потом приехала Оксана. Она как-то незаметной серой тенью проскочила в комнату, где лежали ее вещи, быстро их покидала в сумку и... лишь щелкнувший замок двери, когда она ушла, выдал ее быстрый приезд и поспешное бегство.

– Можно, ребята, я опущу лишние подробности того, как я отказалась от свадьбы, как мама долго плакала, а отец, почему-то, сидел с каким-то каменным и отрешенным лицом, весь превратившись в неподвижную фигуру. Он, судя по всему, только тогда, как мне кажется, осознал глубину кошмара, который совершала его родная дочь в отношении своей родной, как он считал все это время наивно и доверчиво, сестры.

– А что, Сергей? Неужели он не попытался как-то объяснить? Ну, что там надо... – я просто еще не сватался ни к кому, – тихо спросил Злату раненый Олег.

– Он что-то пытался говорить. Это сейчас уже и неважно. Главное, что я не услышала его слов правды, а он мне ее кричал, он стоял на коленях, клялся кем и чем только можно и нельзя. А я вот, глухая дурища, его не услышала. Я слушала лишь тогда в себе невесть откуда взявшийся голос, твердившей мне настолько ненавистные, сейчас, мысли, что я, ей богу, убиться готова.

Сергей написал какую-то бумагу у себя в части, его быстро отправили куда-то под Воронеж. Ну а скоро наступило 24 февраля.

Повисла тишина. Даже противные трупные мухи, казалось, притихли, приостановив свою суету, возню и жужжание.

– А где-то ближе к мартовским праздникам вдруг раздался звонок на моем телефоне. Номер был не определен. Я машинально ответила. Звонила Оксана.

– Она извинялась, да? – с робкой надеждой в голосе спросил ее Олег, Виталий в этот момент уже догадывался и отрицательно мотнул головой.

– Нет. Она поздоровалась и, с каким-то трудно понимаемым мною торжеством в голосе просто призналась. Призналась мне во всем. Что возненавидела и меня, и отца, и всю мою семью вместе с Россией лишь за то, что наш отец в детстве бросил, предал, обманул ее. Я лишь молча слушала, впитывая каждый звук ее голоса, каждое слово словно записывалось на носителях моей памяти.

Предал и обманул. Эти слова особенно врезались мне в голову. Отец, оказывается, долгое время врал и ей, и ее матери, о существовании у него другой семьи и рождении другого ребенка. Но, самым страшным было не это.

Самым страшным было то, что мой отец, видимо, как-то в пылу или по горячности, хотя такой черты в его характере я не знала и не замечала, где-то произнес кому-то и когда-то вслух, что, Оксана родилась, если можно так выразиться «по залёту и по юношеской глупости», мол, решил поиграть в благородство... ну и не настоял на... аборте.

Аборт. Вот, что, по все видимости и перечеркнуло всю жизнь и судьбу Оксане, уничтожив в мгновение ока обычную нормальную жизнь ребенка и превратив ее в жизнь, целью и дальнейшей задачей которой была лишь месть, мщение и наказание, наказание и кара всех, кто, так или иначе, был связаны с ее отцом, связаны с человеком, который не хотел

ее рождения, требовал ее смерти в материнской утробе и... человеком, который подарил ей жизнь. Да любила она его! Она просто хотела заслужить и свою толику той теплоты родительской, которую она не получила в детстве.

– Прощения не прошу. Да и не нужно оно мне. Это твое прощение. – Сказала мне напоследок Оксана, перед тем как закончила свой монолог в трубке телефона. – Я, к слову, сейчас вот уже на фронт ухожу. Буду резать и убивать твою русню. Мы теперь вас всех зовем «рашисты». Может, свезет мне, и я до Сереженьки твоего сладкого доберусь. Почикаю, учти, его без всякого зазрения совести. Да, и на всякий случай. Не изменял он тебе. Да и не хотел.. упирался. Даже молнию резко дернул, что мне прядь волос зацепил. Вот ты и увидела тот момент, когда я пыталась высвободиться из цепких объятий молнии на его джинсах. Хотя, – она громко и так блин искренне засмеялась, – хотя наверняка со стороны тебе показалось совершенно другое..

Звонок прервался. Я стояла, как вкопанная..

На следующий день я написала в меде заявление на академку, но, когда там узнали истинную причину, а она была лишь в моем желании уехать на фронт и служить там медиком полевым, они просто «заморозили» мое обучение и.. перевели на бюджет, отказавшись больше брать деньги. А вы говорите, что вокруг все только деньги решают, особенно у нас в Москве. Нет. Хорошие люди и патриоты везде есть и это хорошо.

Без хороших людей ведь мир остановится. Ну нет такого, что мол, все хорошие только у нас, а там лишь все плохие.

И спасибо Оксанке за тот ее звонок. Я простила ведь ее, дурицу, молюсь лишь, чтобы те ее злые и жуткие слова оказались сказанными с горяча.

Здесь, на фронте, среди крови, смертей и боли, я отчетливо поняла это. В каждом человеке, каким бы гадким он не казался, где-то в глубине души живет тот робкий «гадкий утенок», способный вырасти и превратиться в прекрасного душой и поступками лебедя. Надеюсь..

Может я и ошибаюсь..

Олег.

Мы все живем в цифровом мире, и, как бы там не критиковали кто-то кого-то и за что-то, тем не менее, увы и ах, но именно так все и есть на самом деле. Мы все стали добровольными пленниками цифры и всех окружающих нас технологий. Спорить здесь бессмысленно – просто возьмите, да и попробуйте прожить хотя бы несколько дней этого, на первый взгляд, незаметного, но, увы, ставшего настолько незаменимым и заместившим практически все в наших жизнях, что человек начнет практически сразу испытывать мучительную тягу, близко сравнимую с ломкой наркозависимого, если даже не мощнее, ведь, что такое, по сути своей, наркотик – просто препарат, да и принимается этот субли-

матор реальности по расписанию, установленному потребителем этого обмана.

А вот с цифрой все гораздо сложнее, да и сами посудите: утром нас будет будильник, будь то в часах, гаджетах, в общем, просто и незаметно вокруг нас. И вот мы, на автопилоте, так толком еще и не проснувшись, шлепаем в ванную, включаем воду, температуру которой опять-таки контролирует всемогущая цифра, кто-то бреется (а у многих и бритвы уже с электронными чипами), я уже молчу про стиральные машины, из которых, если верить словам одной полусумасшедшей и, но, словно в насмешку над здравым смыслом, наделенной властью немки, мы выковыриваем чипы и вставляем их в ракеты, обрекая себя на общение с атавизмом прошлого – стиральной доской.

– Можно, я дальше не стану проводить экскурс в цифровой мир? – грустно с неким подобием улыбки на бледном лице произнес Олег. – Цифра страшнее любого наркотика именно по причине ее кажущейся незначительности и обыденной незаметности.

Снова прозвучало несколько взрывов. Противник, по всей видимости, просто осуществлял заградительный огонь, не позволяя нашим приблизиться к позициям разрушенного уже вздыг опорника, который отважные укровоаяки так бездарно потеряли в ходе короткого, но дерзкого нападения наших штурмовых подразделений, и теперь просто не дает возможности эвакуировать двух раненых и одну медицинскую

сестру.

Рация снова деловито затрещала, но настолько все, кто был сейчас в окопе возле полуразрушенного бетонного дота, были счастливы услышать, что о них помнят, беспокоятся и скоро, все-таки, раненых постараются вынести в тыл.

– Я ведь дитя этого цифрового мира, а все, что происходило и произошло со мной, да и наверняка и в дальнейшем будет происходить, можно обозвать «цифровой дуэлью».

– Родился я в декабре 1994 года, не в Москве, а в Новосибирске. Папа был преотличнейшим математиком и физиком по образованию и, несмотря на это, ему удалось не бросить профессию, а продолжить жить и зарабатывать наукой. Итогом стало небольшое предприятие, в котором отец стал одним из учредителей. Несколько его патентов и авторских изобретений, которые он, каким-то чудом смог нормально зарегистрировать и даже акцептовать там, на западе, позволили нашей семье, в общем-то, не голодать, хотя и до олигархов нам было как до Австралии пешком. Мама была учителем английского. Обычная нормальная, слава богу, семья.

– Первый компьютер, я увидел, наверное, когда ещё и ходить толком не умел. Мне нравилось рассматривать разные веселые и яркие картинки, играть в разные развивашки и простейшие игры, а также, это видимо, было мамино условие, я осваивал английский и французский языки.

Виталий с некоторым уважением посмотрел на Олега – несколько subtilный такой очкарик, но, блин, общающийся-

ся на «ты» со всей техникой, когда как для него даже простейшее печатание в «Ворде» было хлеще пытки, он уже вспоминать боялся об исчадии ада под названием «Эксел», где составление таблиц напоминало ему черную магию, только без «Вуду».

– Мой личный комп, – Олег немного призадумался, его лицо озарила счастливая улыбка воспоминания о детстве, – мой комп, лично мой, и ничей больше, ни мамы, ни папы, мой, понимаете, появился у меня лет в шесть, где-то за год до первого класса. Я уже давно умел читать, не поверите, но я прочел «Трех мушкетеров» в этом возрасте и, естественно, ничегошеньки толком не понял из этой книги, разве что упивался описанием поединков и стычек. Лишь позднее, лет в четырнадцать, передо мной эта книга и раскрылась в своей непревзойденной красоте и многогранности.

– К школе я уже знал многое, так что, честно, первые классы для меня были форменной скукотищей. Я ждал последнего звонка, после чего ракетой вылетал из школы и, можно сказать, одеваясь и обуваясь на лету, спешил домой, где ждал меня мой новый друг – компьютер со своим галактическим цифровым миром. Я начинал потихоньку, почему-то думал, что папа будет ругаться, осваивать азы программирования. Первым блином оказался уничтоженный под ноль компьютер отца, на котором я решил испытать действие своей обновленной, как мне тогда казалось, программы. Почему не на своем, спросите вы меня? – Он засмеялся, но, ойкнул от

боли, ведь его тяжелое ранение давало о себе знать. – Да потому что просто не хотел рисковать, ведь в моем компе были все мои программы, и вся моя жизнь к тому времени. Какая была программа? Да я уже и не помню. Помню лишь, бледное лицо папы, ведь я уничтожил все его работы и кучи важнейших данных. Я никогда не слышал, как папа ругался, но именно тогда я впервые обогатил свой словарный запас такими выражениями и словосочетаниями, что, даже сейчас, вспоминая эту историю с улыбкой, смущаюсь невольно от них.

– И что? Неужели даже по заднице ремнем не обработали? – пошутила Злата.

– Обработали. Карательной структурой у нас в семье была мама почему-то. Папа всегда заявлял, что противник насилия и воспитания детей путем наказания, приводя в пример какого-то профессора медицины, буквально цитируя его слова наизусть: «Только добротой и лаской, добротой и лаской.» Позднее я понял, о каком профессоре шла речь, когда, одним из зимних вечеров, переключая автоматически и машинально каналы, наткнулся на черно-белую экранизацию «Собачьего сердца». Гениальность экранизации и галактика таланта Булгакова покорили меня. Ну да ладно. Отошел я от сути.

Виталий подал знак, приказывая всем создать тишину. Он крайне осторожно приподнял и, взяв в руки автомат, выглянул между мешками, наполненными песком и щебнем, в сто-

рону противника.

– Показалось. – Произнес он. – слава Богу. Вдруг мне почудилось какое-то шуршание.. Ложная тревога.

Злата, пользуясь минуткой, снова перезарядила капельницу раненому, после чего, сморщив расстроено переносицу, сказала.

– Не мешало бы нашим, все-таки, забрать Олега. Крайняя капельница пошла..

Виталий снова вышел на связь по рации. Там попросили еще немного потерпеть – судя по всему, наши ждали чего-то, возможно и удара по позициям противника из «Солнцепеков» – жутчайших творений человеческого гения, выжигавших и уничтожавших все на своем пути.

– Да в норме я, – Олег подмигнул Злате, – я в полном порядке.

– Так что дальше-то было? – Поинтересовался Виталий.

– Дальше.. – Олег прищурился, вспоминая, – ну а дальше было вот что. Часть инфы у папы была дисках вроде сохранена. А вот та, что на харде компа, там оказалось все гораздо сложнее и, как мне казалось, уничтожено безвозвратно. Папа тоже так думал, поэтому и решил звякнуть одному из своих старых приятелей. Тот озадачился проблемой отца, видимо, используя метод «пяти рукопожатий» нашел, в конце концов, какого-то знакомого гения, который... Просто восстановил все, что я невольно стер с диска.

– Обалдеть.. – восхищенно произнесла Злата. – Не только,

выходит, рукописи не горят. Но и..

– Да. – резюмировал Олег. – Ничто в цифровом мире не исчезает бесследно.

Так, – рассказы это, конечно, прекрасно, но не пора ли нам, дорогие товарищи, – Виталий голосом попытался изобразить Брежнева, ему это удалось, и все весело рассмеялись, – не пора ли нам, дорогие товарищи, откусать чем Бог послал.

Тушенка и водичка из фляг – что может быть лучше? Правильно. Ничего, если с голодухи, на свежем воздухе, ну и в хорошей компании. Или хотя бы, как сейчас: в разбитом опорном узле противника, неподалеку от обвалившихся бетонных перекрытий дота, ну и естественно, среди тел поверженных врагов. Первобытно чувство.. чувство, когда нормы этики или морали куда-то прячутся, видимо от страха, а у организма просыпаются ранее забытые звериные инстинкты, одним из которых является утоление голода. Да и плевать, что вокруг война, кровь и грязь. Как говорится: война войной, а обед по распорядку..

– А у меня еще и яблочко есть, – смущенно сказала Злата.

– Вот и скушай его на здоровье, – практически хором ответили ей Олег и Виталий.

Виталий осторожно отполз в сторону разрушенного блиндажа, порылся там и вернулся с галетами, печеньем и какими-то конфетами.

– Просто праздник какой-то.. – грустно произнес он. –

Угощайтесь, шпанята. Он протянул конфету Олегу, – Кушай, тебе нужна глюкоза.

– А где-то в седьмом классе я первый раз влюбился.. – запив конфетку водой из фляги, продолжил рассказ Олег. – Светлана была гимнасткой и еще танцевала. В общем, как увидел, так и понял, насколько я далек от нее. Нет. Я тоже занимался спортом – ходил на морское пятиборье, гонял мяч с ребятами во дворе, зимой с удовольствием играли в хоккей. У меня даже шрамы на лбу от шайб есть! – Он с гордостью попытался продемонстрировать их. – В общем, вздыхал и сох по красавице Свете.

– Ну, неужели не подошел к ней ни разу и не попытался?? – Злата прониклась его историей.

– Попытался.. подошел к ней как-то в школе, у нас частенько в актовом зале или помещении столовой устраивались что-то типа тусовок с музыкой и тортами. – Покраснел, стал каким-то неуклюжим, неловким, словно в росте даже уменьшился..

– Ну и?

– Она фыркнула и.. – Олег с сожалением в голосе прибавил, – моя любовь исчезла в мгновение ока.. вот такая она эта сука ваша «селяви» и остался я один со своим верным другом компьютером и огромным цифровым миром вокруг меня. Жизнь не останавливалась, я, все также, учился, жил, играл, общался и влюблялся, даже несколько раз дрался из-за девочек. Да. – Он с гордостью произнес это. – Дрался из-

за девочек. Наверное, это самый благородный из видов драки. Или наоборот, самый примитивный и животный..

Олег немного поморщился, видимо действие обезболивающих начали слабеть, на несколько секунда прикрыл глаза, собираясь снова с силами и мыслями, после чего продолжил.

– Но эта сказка детства не могла долго и бесконечно продолжаться. Дальше начинаются будни жизни. И они, поверьте мне, будут совершенно не радужными.

– Я пришел, вернее прибежал домой после школы, раньше положенного, просто смотался, слинял с последнего урока. Не могу сказать, ну я не знаю почему и причину, просто несколько дней у меня что-то висело на сердце. Какое-то неясное мне смутное предчувствие чего-то неизбежного, чего-то плохого...

Мама сидела на кухне. Я разулся и хотел, было, как можно незаметнее прошмыгнуть к себе, чтобы ускользнуть от ненужных расспросов и выдумывания причин, но, что-то, какая-то сила, внезапно заставила меня остановиться, развернуться и пройти на кухню. Мама просто сидела, упершись локтями в стол и как-то тихо, беззвучно плакала. Ее спина мелко тряслась от немного плача, голова была опущена вниз и волосы полностью закрывали ее лицо.

Я подошел и, положив ей руку на плечо, спросил:

– Мамуль, что с тобой?

Мама ничего мне не ответила, а лишь прижалась своим лицом в мою грудь и живот, продолжая тихо и уже бесслезно

плакать.

Я опустился подле нее на колени, попытался заглянуть ей в глаза, попытался хотя бы как-то предугадать причину ее плача и теперешнего состояния. Веки были отекавшими, глаза красными от слез, которых, увы, уже не было. Мертвенно-бледное лицо и обескровленные губы сотрясала мелкая дрожь.

– Папа ушел.. – едва слышно произнесла она. Увидев мое недоуменное выражение лица, она вдруг резко перешла на крик. – Понимаешь! Он ушел! Ушел! Он нас бросил! Просто ушел и все!

– Как.. куда? – это первое, что вырвалось у меня изо рта.

Мама выпрямила спину, провела рукой по волосам. Ноздри ее широко раздувались от волнения и возмущения.

– Он ушел к другой. Понимаешь. Просто ушел к другой. Более молодой и красивой..

Мир рассыпался у меня на глазах словно печенье, упавшее на плитки пола кухни со стола. Мир просто разламывался на несколько неравных частей: вот мы, вот нас нет, вот мама и я, вот...

Виталий вздохнул и попытался что-то сказать, но, слова как-то застряли в его горле, и он просто громко прокашлялся в кулак.

Златка каким-то виноватым взглядом собачки попыталась поймать взгляд Олега, но и это у нее не вышло. Олег просто снова прикрыл глаза.

– Отец пришел, вернее, приехал, в субботу. Видимо, они так решили с мамой, потому что она еще с раннего утра стала какой-то чрезмерно суетливой, немного нервной и наигранно веселой, что меня просто обескураживало. Она что-то пролепетала невнятно о какой-то внеаудиторной работе и необходимости срочно и экстренно свалить из дома аж до вечера, торопливо стала надевать туфли, отчетливо помню, что правая упорно не желала, соскакивая с ее ноги. Мама не удержалась и, громко разрыдавшись, просто схватила ставшую ей ненавистной туфлю, и вышла из квартиры, тихо закрыв за собой дверь. Я почему-то думал, что она должна была громко хлопнуть ею, но..

Я стал сооружать себе что-то на завтрак. Ну я не был маменькиным сынком, так что умел и мог вполне сносно себя накормить и не оставить голодным. Как-то машинально я размешивал сахар в стакане с чаем, меня почему-то именно тогда не волновал, а скорее успокаивающе завораживал звон чайной ложечки, периодически позвякивающей по стенкам, когда я слышал звук открывающейся входной двери.

Я поднял глаза. В коридоре стоял отец. Увидев меня, он как-то засуетился на мгновение, пытаясь как можно быстрее снять ботинки. Один слез легко, а вот со вторым ему пришлось повозиться, после чего он подошел ко мне и, попытавшись, как делал прежде, потрепать мои вихры волос, с наигранной, а поэтому неудачной и неискренней, беззаботностью поздороваться, сказав какую-то свою дежурную, но из той,

прежней нашей жизни, жизни, где у нас была, как мне тогда казалось, полная и счастливая семья, фразу.

Я резко отшатнулся от его руки, так что его пальцы лишь смогли коснуться пары волосков на моей голове.

– А, я так и понял.. – голос его стал каким-то сухим, холодным и резким. – Накрутила, значит, тебя..

– Никто и никого не накрутил. – Резко ответил я и выбежал из кухни к себе в комнату.

Я слышал из-за закрытой двери, как отец хлопал дверцами шкафов, собирая свои вещи, как скрипели ящики и доски пола, когда он ходил по квартире.

– Можно, я возьму твою большую хоккейную сумку, – громко спросил он, не заходя ко мне и не открывая дверь. Потом, видимо, понял, что это было лишним, прибавил. – Хотя, что я спрашиваю! Все в этом доме куплено мною!..

Больше я ничего не слышал. Мои уши словно плотно забились ватой, напрочь оглушив меня и лишив неприятности звуков. Я невольно удивился этой своей ватной глухоте, даже поймал себя на мысли, что глухонемым отчасти можно и позавидовать, ведь они лишены возможности слышать все вокруг.

Я так наверное и просидел до самого вечера, я абсолютно оглох, вернее добровольно отключил слух, просто нырнув в цифровой мир компьютера, занимаясь какой-то программой ну и пытаюсь как-то отвлечься от всех мрачных мыслей, а также неприятностей мира, решившего вдруг резко встать с

ног на голову.

Жить мы стали беднее, вечера становились один похожим на другого в своей какой-то серой безысходности и однообразности. Я, как мог, пытался помогать маме, но, честно признаюсь, наверное, моя суета скорее ее раздражала, нежели успокаивала, ведь, невольно смотря на меня, она видела все еще его, моего отца и ее бывшего мужа, человека и мужчину, с которым она прожила долгий период жизни, нахлебавшись вдоволь и радостей и горестей, а потом вдруг очутившись ненужной и выброшенной, словно сломанная вещь. А ведь у нее была душа..

В общем, маме было очень тяжело, грустно и.. – Олег сжал губы так сильно, что они стали белыми как снег, – она стала выпивать. Сначала я не замечал это, лишь видел ее какой-то излишне веселой, да еще, пожалуй, какой-то замечал странный неестественный блеск в ее глазах.

В общем, мама начала спиваться, не выдержав горя от развода и расставания с некогда любящим ее человеком, который, как оказывается, уже лет пять, где-то, жил на две семьи и две жизни, в одной из которых он мимикрировал под любящего и заботливого мужа и отца, а в другой...

Потом и на работе у мамы начались проблемы..

Я рос и вырослел, я стал очень злым и жестоким, несколько раз я почему-то ни с того ни с сего, пинал ногой каких-то случайно попавшихся мне беззащитных бездомных собак или кошек. Этот ужас пытался захватывать меня и мое со-

знание, мне становилось страшно, ведь я понимал, что делаю что-то гадкое, но, вместе с этим, где-то в глубине души, во мне что-то радостно просыпалось, начинало шевелиться, требуя еще и еще.

Так я пришел в храм..

Был какой-то обычный день, но только не для меня. Для меня же этот день стал каким-то знаком, какой-то вехой на своем пути.

Молодая весна вовсю и с полной силой вступала в свои права, пробуждая природу и гоняя вдоль дорог ручьи талой воды.

Я робко, с каким-то испугом и, одновременно, надеждой и верой во что-то хорошее, что обязательно должно было произойти со мной, открыл тяжелую входную дверь в храм – он был даже Наверное и не храм, а такая маленькая часовенка.

Вошел. Встал, неловко переступая с ноги на ногу и не решаясь, куда ступить дальше, что сделать и что сказать, если меня вдруг кто-то спросит.

– Входи, сынок.. – тихий, но спокойный и такой, одновременно, уверенный в своей тихой мощи, голос раздался откуда-то сверху.

Я поднял голову и увидел священника, одетого в скромные длинные черные одежды, который спускался по лестнице с небольшого балкончика, оборудованного почти под крышей, это я лишь позднее понял – там стояли несколько певчих, которые хором подпевали ему во время богослуже-

ний.

А пока я лишь видел простого человека в черных длинных одеждах, на груди которого видел какой-то просто металлический крест.

– Рад тебе.

Я пожал молча в ответ плечами, смутившись еще больше, потом, покрутив головой по сторонам, словно убеждаясь в том, что сейчас в тиши лишь двое, расплакался и... все рассказал этому человеку. Этому совершенно незнакомому мне человеку в длинных черных одеждах с крестом на груди. Рассказал все, вернее, я просто открыл свой рот, а дальше, видимо, моя душа просто исполнила свою функцию, как мои любимые цифровые программы, и..попыталась спасти меня..

– Мы тут не одни. – Священник положил мне руку на плечо и поднял глаза вверх. – Нас тут много. Нас тут слышит Господь..

И я понял, что Он нас слышит, Он нас всех всегда СЛЫШИТ..

Отец Сергей, так звали этого священника, стал, наверное, моим вторым отцом, настолько мне легко и хорошо было с ним разговаривать. Он и сам мне немного поведал из своей прошлой мирской жизни, в которой он был военным, был офицером, видел многое, и делал многое, о чем теперь знает лишь он и Господь Бог.

Где-то через пару месяцев, я, с превеликим трудом, но смог как-то упросить, умолить, уговорить свою маму сходить

со мной в храм, пусть не на службу целиком, а лишь на пару минуток. Да я и сам не был вот уж каким примерным прихожанином, ведь после девятого класса я поступил в колледж и начал еще подрабатывать на одной из небольших частных авто моек.

Наш с мамой приход в церковь не совпал ни с каким из Праздников, просто выпал на обычный серый осенний день. Мама, как-то испуганно и робко вошла в церковь и, тут я поймал себя на мысли, встала в нерешительности и неуверенности, как и я в тот первый и навеки теперь памятный для меня День.

Она закрыла глаза, губы ее что-то попытались прошептать, я увидел, как из уголков ее глаз вытекли несколько слезинок.

Я был рад и несказанно счастлив, ведь в этот самый момент незримо ощутил, как Бог ласково принял ее душу и раскрыл ее, как распускается бутон розы навстречу утренним лучам, впуская в сердце мамы теплоту и веру.

Мы просто вышли из храма и пошли домой, но, немного отойдя от него, мама вдруг резко повернулась лицом и, вытерев слезы, немного неумело и неуклюже, но искренне и от всей души перекрестилась.

Не было слов, чтобы описать, насколько я был рад и счастлив в те мгновения.

Мама стала меньше выпивать с того самого момента, иногда, как я понял позднее, стала заходить в церкви, которых

у нас было много по городу..

На работе у нее медленно и постепенно стало чуть улучшаться положение дел. Она восстановила свою несколько пошатнувшуюся репутацию и, где-то через полгода стала старшим преподавателем в педагогическом колледже.

Ну а я, – Олег тут попытался с гордостью приподняться, чтобы придать как можно большую значимость словам, – я стал членом сборной команды по кибер спорту.

– Да. Жизнь в целом, как оказалось, вовсе не остановилась и не замерла, а наоборот, побежала быстрее и динамичнее. Единственное, что меня ввергало в серость грусти, были воспоминания о моем отце. Как ни крути, а я грустил и скучал по нему, я, сначала с какой-то злостью, а позднее уже, наверное, с нежностью, вспоминал его жесты, его слова, его шутки-прибаутки, которыми он сыпал напрапалую в той, прошлой, жизни..

– Ты совсем не виделся с ним? – робко поинтересовалась Злата.

– Пару раз. – Спокойным тоном ответил ей Олег. – Один раз, когда решил наступить на горло своей гордости и попросить его о помощи. Я ведь стал игроком в команде, собранной из ребят по всей стране, а также Украине и Белоруссии. В Общем, нам надо было выехать в Гонконг, на очередной из этапов Гран-при. А вот... как говорится... – Олег покраснел, стал просто пунцовым от смущения, – денег не было совершенно... От слова абсолютно. Даже мама ничем не могла

помочь, так как и так на ней уже висели несколько кредитов..

Я приехал в Москву к отцу за помощью. Забыл вам сказать, что к тому времени, я уже был студентом университета в Новосибирске при Академгородке, а папа перебрался в столицу, где возглавлял какой-то крутой и закрытый «ящик», купаясь в военных заказах и контрактах.

– Ой, забыл, – Олег засмеялся, но так, буквально пару смешков, – папа уже жил с другой. Моделью с пипец какими губами и грудью...

Огромная громада здания из стекла и бетона всем своим видом как бы демонстрировала тезис о месте, где жизнь удалась..

Правда для меня, это было лишь просто здание, в котором где-то наверху, в одном из, наверняка, огромнейших кабинетов, находился мой отец, человек, который оставил нас с мамой и к которому я, его сын, сейчас шел на поклон.

Пропуск на меня уже был готов, ведь я просто накануне позвонил ему, сухо поинтересовался как он живет, все ли нормально, ну и будет ли через столько-то дней в столице, ведь я хотел его повидать по одному личному делу.

Кабинет, как и весь головной офис, полностью оправдал мои ожидания, даже, наверное, превзошел их.

Папа был раз, ну или может, делал вид, что рад приезду сына, но по лицу его было видно, что он сильно напряжен и нервничает, ведь толком и не знает сути нашего разговора и цели моего приезда.

Секретарши отца – высокая длинноногая красивая до умопомрачения блондинка и такая же, но чуть пофигуристее, брюнетка, ну словно обе из убежали с показа белья Виктория Сикрет, чтобы поработать сегодня у моего родителя и паразитить меня – молодого студента до крайней невозможности, проворно накрыли столик, расставив чай, какие-то печенья и что-то еще из дежурных угощений, после чего также тихо растворились, оставляя нас наедине.

– Привет, сын. Ты вырос.. – отец напряженно улыбнулся. Его пальцы чуть пробарабанили по столешнице от волнения, но он собрался с мыслями и продолжил. – рад, очень рад тебе.. – и после паузы, добавил, – родной. Вижу, что в общем-то все у тебя нормально..

– Спасибо.. – я также улыбнулся ему, – папа.

Боже, как же долго я вслух не произносил это слово! Ну, вернее, дома и в одиночестве, я часто представлял, как состоятся, возможно, мой с ним разговор, но..

В общем, сейчас я впервые после столь долгих лет просто произнес слово «папа».

Потом, как-то сразу спала нервная завеса, наш разговор пошел весело и легко, словно и не было всего из прошлой жизни. Хотя, нет, вру, было и есть, ведь прошлая жизнь никуда не делась.

Я рассказал ему о своей жизни, быстренько пробежался по учебе, вскользь затронул о маме, правда, каюсь, смолчал о ее небольшой пагубной привычке в выпивке, которую она

уже практически полностью преодолела, с Божьей и нашей с ней помощью.

– Мне нужны деньги, папа. Я в составе команды по кибер спорту от моего присутствия в Гонконге реально зависит многое, если не все... – эти слова просто вылились из меня. Со стороны могло показаться, что я возгордился и чрезмерно преувеличил свою надобность.

Олег замолчал. Он нервно кусал губы, пытаясь снова совладать с эмоциями, ведь, судя по всему, сейчас он собирался перейти к наиболее напряженному моменту в истории.

– Сколько? – Голос отца вдруг стал каким-то глухим, чужим и каменным. Я сейчас его прекрасно понимаю. Ничего себе. Не видел столько лет сына, который с ним не хотел разговаривать, вообще игнорировал полностью и абсолютно. А тут, на тебе! Явился, не запылится. И сразу... деньги.

Я побледнел и едва слышным голосом и, как мне кажется, даже заикаясь от стыда, волнения и унижения, от готовности буквально пробить железобетонные перекрытия этого здания, чтобы как можно глубже зарыться вглубь планеты, назвал сумму. Она была ну просто колоссальна для меня тогда

– А ты не переоцениваешь себя, случайно? – Как мне тогда показалось, с какой-то усмешкой в голосе, переспросил отец. – Это более чем приличная сумма, на эти деньги у себя в Новосибирске ты вполне можешь купить большую квартиру. Да и как ты с такой уверенностью утверждаешь, что имен-

но победишь, а твое нахождение в команде является стопроцентной гарантией победы? Там же со всего мира приедут? Там и американцы, и корейцы, я уже молчу про Европу и Китай.. – Он покачал головой, словно сомневаясь во мне, сомневаясь в своем единственном сыне, сомневаясь в моих словах. – Ты точно уверен?

Я не нашел, что сказать, вскочил и, с трудом сдерживая подступающие слезы, пулей вылетел из кабинета и.. из здания...

– Он, что, тебе отказал?? – Злата захохла и чуть не расплакалась..

– Нет. – Гордо и спокойным голосом вдруг произнес Олег. – Когда я ехал в метро и меня трясло словно осиновый лист на ветру, на экране моего телефона появилось смс о зачислении счет моей карты (блин, ну вот откуда отец узнал ее номер, хотя, учитывая кто он теперь, где работает и кем, о его безграничных возможностях я не подумал тогда) очень приличной, но все еще недостаточной для оплаты поездки и проживания в Гонконге, суммы денег.

Я уже было собирался обратно их отправить и написать отцу что-то злое в ответ, только вот не знал, блин, как это сделать, ведь я не знал номер карты отца. Тогда я решил, что по приезду домой в Новосибирск, сразу же отправлюсь в банк и скажу, так, мол, и так, вот, пришла ошибочно мне на карту огромная сумма, пожалуйста, верните отправителю.

Вот, значит, с таким решением я уже спокойно сажусь в

вагон поезда, представляю, как буду дней пять ехать по нашей огромной стране в плацкартном вагоне, даже еще и на боковой полке. Ну а как, блин, иначе, денег у меня в обрез, начинаю понимать, что, возможно, пару дней или сутки как минимум буду сидеть на голодном пайке. Хотя, наш народ всегда был и останется хлебосольным, а уж угостить голодного беднягу-студента в поезде ну просто святое дело.

Сижу такой, расстроенный весь, грустно мне, в голос впопору завывать, тут звонит мой товарищ по команде, который, каким-то счастливым и срывающимся от волнения, голосом сообщил, что всю нашу команду решил спонсировать, внезапно, вот только что просто, какой-то жесть какой крутой московский спонсор, который позвонил руководству команды, ну и...

Я был просто оглушен этим известием. Я понял сразу кто он – этот самый спонсор. И вот, теперь, лежа на верхней боковой полке почти у самого выхода в тамбур вагона и туалета, я был просто потрясен и..счастлив. Именно тогда я понял, почему и для чего, вернее, во имя чего, отец так пылливо и глубоко недоверчиво, как мне тогда показалось, выпытывал меня именно о моих намерениях. Отец и так всегда верил, как я тогда понял, **ДА И ВОТ НЕДАВНО ЕЩЕ РАЗ УДОСТОВЕРИЛСЯ**, в меня – своего единственного и родного на планете человека – своего сына, своей плоть от плоти и кровь от крови.

Отцу было важно лишь увидеть мой огонь в глазах, по-

чувствовать всю максимальность моего настроения и решительность, ему всего-то надо было увидеть мое непреклонное желание сжечь все мосты и перейти Рубикон ради достижения своей цели.

– Мой папа просто любил меня и очень беспокоился.. – Олег прикрыл рукой глаза, словно пытаясь убрать какую-то пылинку или соринку, но все и так прекрасно поняли его эмоции. Он часто-часто захлопал глазами, пытаясь скрыть от других эту, как ему показалось, непозволительную для мужчины, слабость, после чего продолжил. – Бог всех любит, всех всегда испытывает, можно сказать, проверяет на крепость духа и соответствие его ожиданиям от каждого из нас. Понять Бога невозможно, да и не нужно это никому. Главное, что я тогда внезапно осознал: это любовь, которая всегда была и окружала меня, даже в те времена, когда, как мне казалось, я был напрочь лишен и счастья, и жизни, и будущего, ну и самой любви. Отец мой, забыл я представить его, Александр Николаевич, и мама моя, Татьяна Васильевна, своей любовью друг к другу с Божьей помощью и благословением, произвели на свет меня – просто вот такого парня, который жил себе, думал невесть что, а вот сейчас лежит раненый возле вас. Мне просто хорошо.. – Олег внезапно побледнел, сделал громкий выдох и... затих..

– Господи, скорее, Виталий, там, – злата кивком головы показала сумку с трофейной медициной, – там найти полевой шприц-тюбик с адреналином... – Она, видя некото-

рую растерянность мужчины от неожиданности случившегося, сама резко рванула сумку к себе, быстро стала рыться в ней, после чего, с радостным возгласом вытащила оттуда нужный сейчас шприц-тюбик, зубами стащила чехол с иглы, резким движением отодвинула плиту броника и... сделала укол в область сердца, после чего стала проводить автоматически, словно робот, реанимационные процедуры.

Олег открыл глаза..

– Слава тебе, Господи.. – практически одновременно произнесли злата и Виталий, увидев, как жизнь вернулась к их раненому товарищу.

– Голова немного кружится.. – тихо прошептал Олег и попытался неуклюже и словно виновато, словно оправдываясь, улыбнуться.

Виталий снова вышел по рации на связь с нашими позициями. Там все и так прекрасно понимали, но, пока еще не начало темнеть, ни о какой помощи или эвакуации не могло быть и речи: бэтэр, пытавшийся резким рывком прорваться в сторону их позиции, подожжен из ПТУРа, несколько ребят, попытавшихся их спасти, были сами теперь ранены.

– Придется немного нам всем потерпеть.. – попытался всех приободрить Виталий. Он повернул голову к Олегу и спросил: – ну, что там дальше-то было?..

– Что дальше-то было? – Олег улыбнулся в ответ. – Ну а дальше я.. влюбился. Я встретил ее в том же самом поезде, который вез меня домой. Так смешно и просто. Кому ска-

жешь – ну не поверят ведь. А я вот, как увидел ее, стоящую возле открытой двери одного из купе соседнего вагона, так и остолбенел. Короче, я, как баран, встал, словно вкопанный и уставился на нее – ну ничего не вижу, кроме ее огромных карих бездонных глаз, окруженных длинными и пышными такими ресницами. Ну и.. – он замялся.

– Что, ну и? – Не вытерпела Злата. – Рассказывай, давай, дальше..

– Все, как обычно и происходит в комедиях, – ответил ей Олег. – Мужик какой-то, шедший за мной по пятам с парой стаканов кипятка, не ожидал такой вот моей «отрицательной» активности, ну и врзался в мою спину, да так, скажу я вам, мощно, что ошпарил на мне всю одежду, да и героически обжег меня..

Я его, естественно, пропустил, только во он уже никуда не спешил, а наоборот, что-то буркнув себе под нос неразборчивое и явно недовольное, развернулся и пошел обратно к емкости с кипятком, располагавшейся там в вагоне и оставляя мен наедине с ней.

–Забавно, и правда, как в кинокомедии, – отметил Виталий.

– Я пытался что-то ей сказать, но язык мой стал каким-то непослушным, чужим каким-то. Он совершенно отказывался что выдать, лишь какое-то нечленораздельное вырывалось из моего рта.

– Кристина. – Представилась мне девушка.

– Олег.. – наконец-то смог я выдавить из себя и, вместе со своим именем я пришел в сознание и ощутил как же мне сейчас больно от пролитого на мою спину кипятка... – Я резко развернулся и.. пулей побежал в свой вагон.

Увидев меня в таком вот жутком состоянии, часть вагона, преимущественно женщины, стали охать и ахать, кто-то полез сразу в сумки за походными аптечками, ну а мужчины подбодрить меня пытались, типа, крепись, герой, это херня, вот у меня, помнится, было... ну и в таком роде.

Наскоро переодевшись и позволив намазать мне спину какой-то мазью, что-то типа от ожогов, правда солнечных, но, какая, блин, разница, если боль сразу стала утихать, я рванулся, как ракета, снова в тот вагон, к ней.. к Кристине.

Я постучал в дверь купе и, дождавшись ответа, открыл дверь и..

– Вот только не говори сейчас, что тебя опять чем-нибудь облили. – хихикнула Злата.

– Нет. Ничем не облили. Но, лучше бы, наверное, облили. Я снова окаменел и, уставившись на девушку, лишь хлопал глупо глазами. Вид мой был, наверняка, смешной и несуразный.

– Мама, а это вот тот самый Олег, которого так дико и грубо ошпарил кипятком какой-то невоспитанный мужчина из соседнего, вроде бы, купе. – Сказала она какой-то миловидной женщине, которая, блин, оказалась ее мамой.

– Проходите в купе и присаживайтесь, молодой человек, –

с улыбкой сказала ее мама. – А то, неровен час, с вами опять приключится какая-нибудь история.

– Олег, – снова представился ей я и присел напротив.

– Марина Сергеевна. – Женщина с нескрываемым удовольствием наблюдала за моей неуклюжей растерянностью. – Значит вы у нас, Олег, едете из Москвы, так?

– Да.. – выдавил я из себя.

– Ну и куда же путь держите, если, конечно же, это не вот уж какая тайна, покрытая мраком? – она, видя моя смущение, решила взять все нити разговора в свои руки.

– Домой. – Ответил я, и после паузы, прибавил, -в Новосибирск.

– О. Так мы, выходит, с вами земляки.. – засмеялась мама Кристины.

В общем, через час они знали уже обо мне все. Ну, – Олег чуть смутился, – ну почти все. Я не стал хвалиться, какой у меня крутой, богатый и заботливый отец, да и это скорее всего и выглядело бы как-то глупо, да и не логично. Ведь, если у меня есть крутой отец в столице, то, какого тогда болта я трясусь в поезде, да еще и на верхней боковушке почти рядом с туалетом..

Я больше рассказывал о маме, о своей учебе в универе, о друзьях детства и просто обо всем и ни о чем, ведь главным тогда для меня было лишь нахождение рядом с Кристиной, в купе поезда, мчащегося куда-то с ритмичным стуком колес.

Олег попросил у Златы любого лекарства. Он хотел лишь

хотел чуть уменьшить боль. Она дала ему несколько таблеток, грустно улыбнулась и посоветовала, что с медициной у нее практически уже нульцы.

– Так, уехав в Москву с неопределенными чувствами к своему отцу и своему будущему, я вышел на перрон вокзала в Новосибирске абсолютно счастливым, ведь мой отец, хотя и не жил уже давно с нами, но, как в той старой песне: меня любит и помнит.. – Олег пару раз кивнул головой, словно подтверждая правоту сказанного им. – Ну и с девушкой, в которую я влюбился с первого же взгляда в поезде и, к слову, очень и очень понравился, судя по всему, ее маме, на которую, видимо, сумел произвести неизгладимое, но приятное, впечатление.

Теперь, я, словно окрыленный, летал где-то в небесах счастья, но и не забывал, естественно, про учебу и подготовку к Гран-при.

Виталий прекрасно понимал, что только вот так, отвлекая всех разговорами и воспоминаниями от неприятных мыслей о невозможности пока эвакуироваться с этого разрушенного опорника, который стал «серой зоной» для обеих противостоящих сторон, можно выиграть еще время.

– Мы, в общем-то, победили. – С нескрываемой гордостью в голосе, правда, еще тихо, но уже с живостью, ответил Олег. – Получили суперские призовые. Я, кстати, тогда, по совету одного парнишки из Украины, тот был ну просто каким-то диким асом по управлению дронами и коптерами,

приобрел, как он мне тогда сказал, – в этот момент лицо Олега напряглось, на скулах выступили резкие желваки. – В общем он мне порекомендовал купить один крутейший корейский дрон с кучей всяких-разных в нем примочек, от Жи-Пи-Эс, до..– Олег облизал запекшиеся губы, – короче, в нем было все практически, даже куча камер и лазерные дальномеры- целеуказатели.

Я вернулся домой, счастливый чемпион, покоривший весь мир, с кучей призовых денег, разных гаджетов и с этим вот супер-дроном. Мама моя была счастлива. Как, спросите, была счастлива она? Да как любая любящая мать может быть счастлива своим ребенком!!

Я позвонил отцу и с гордостью в голосе, как мог, просто, как бы я ни пытался себя успокоить, все-таки волновался очень, ведь я должен был поговорить с ним, с отцом, который верил в меня, а я вот тогда почему-то как-то по-глупому вспылил, заистерил и убежал, так и не попытавшись все ему правильно донести.

– Привет, пап, – весело начал я. – Я дома, я чемпион, мы всех просто порвали!

– Я знаю, сын.. – тихо и спокойно ответил отец, – я смотрел.

– Пап, – мне стало стыдно за своё тогдашнее поведение и сомнения в нем – своем отце, – ты, это... ну прости меня..

– Я тебя люблю, сын.

Олег не сдержался от нахлынувших воспоминаний и, все-

таки, теперь уже открыто и не стыдясь, вытер слезы. Он немного отпил водички, предложенной ему Виталием.

– Ну, в общем-то, я опять сморозил какую-то свою очередную чушь и попытался спросить отца, как и куда ему перевести деньги, которые он тогда мне сбросил на карту..

– И? – Виталий с нескрываемым интересом взглянул на парня.

– Да он послал меня куда подальше.. – засмеялся Олег. – Сказал, чтобы я, если меня зудят эти деньги, купил матери то, о чем она больше всего мечтает и пусть это станет нашей с ним маленькой тайной и маленьким таким подарком ей, заслужившей даже больше, чем эта мелочь..

Короче, я купил ей хороший такой коттедж на берегу реки, все удобства и.. – Олег с гордостью прибавил, – даже с отапливаемой зимой теплицей, в которой она теперь сделала зимний сад-оранжерею и.. – тут Злата прыснула от смеха, – растит морковь и помидорки мне....

Снова опорник обстреляли с украинской стороны. Судя по хаотичности и какой-то нервозности этих налетов, там не знали, где сидят эти три русских солдата, но, что они там, было и ежу понятно, как и то, что двое из них ранены, а третья – всего-лишь медик и воин из нее слабоватый. Но и украинцы ничего не могли поделать – стоило им лишь начать обозначать какое-то движение к опорнику, как тут же налетала наша арта, или, пару раз за последние несколько часов, невесть откуда вдруг вылетал жуткий «Крокодил», пролета-

ший страшной тенью и выплескивавший море огня на них, не давая даже намека на возможность вернуть утраченные позиции назад.

– Вернулся я, значит, домой чемпионом, – продолжил после вынужденной паузы Олег, – ну там, инет колбасило мощно, по телекам крутили, в универе все, естественно, на ушах.. Короче – живи и радуйся. Почивай на лаврах. Но вот вместо этого я практически на третий, кажется, день, уже точно и не помню, да и не важно это, в принципе сейчас, я, загрузив этот свой супер-мега-дрон в машину, – он улыбнулся, – совершенно забыл похвалиться, что одним из призов мне была Тойота Карина, поехал к своему другу и товарищу детства Серёге. Мы с ним сдружились с садика еще, ходили в одну школу, ну потом, когда меня предки перетащили в физ-мат школу, мы все равно контактировали и наша дружба лишь крепла.

Так вот он, Серёга, не сильно обожал все эти математики с физиками, но имел просто фантастические и росшие откуда надо руки, которыми мог паять, клепать и все -такое прочее, чем я, признаюсь честно, был героически обделен.

Сергей увлекался моделированием, мастерил разные там самолетики, вертолетики и прочую летающую и жужжащую абракадабру, так что с этим дроном мне надо было исключительно к нему и больше ни к кому другому.

Семья его жила средне, можно сказать, обычно, от зарплаты до зарплаты, поэтому Сергей после колледжа освоил

профессию, связанную со станками ЧПУ, так что, в принципе, деньги в его дома после этого значительно увеличились, он даже купил себе, правда подержанную и праворукую, но шустрюю такую тойоту, на которой теперь еще иногда и таксовал. – Лишних денег не бывает, – всегда говорил он.

Сергей сидел у себя в гараже и как всегда что-то там мастерил, паял и орудовал отвертками. Когда он увидел этот мой дрон – он просто каменел и, наверное, с полчаса ничего внятного не мог произнести, а лишь вынул из маленького такого старого советского, но все еще прекрасно работавшего холодильничка, пару бутылок пива, какой-то лимонад и... бутылку водки. Налил мне, молча водки в стакан, кивком показал на пиво.

Мы выпили..

– Я, Серёга, тут вот эту хреновину купил по случаю.. – наконец произнес я, понимая, что надо как-то мне начинать ломать эту стену молчания, вызванную, видимо, впечатлением от дрона, увиденного им.

– Это просто фантастический какой-то, – выругался Сергей, видимо, больше не подбирая никаких подходящих эпитетов. – Это просто жуть!! Это, епонамать, терминатор какой-то, а не дрон!! Ты, Олежа, блин, издеваешься?? Это же просто дикая вещь!!

Ну а дальше, мы просто смеялись, пили водку, запивали ее пивом, погрызли какой-то сушеной и ставшей, словно кирпич, рыбы и все время я слушал водопады эмоций Сер-

гея от этого самого дрона.

– Научи меня им пользоваться... – я уже порядком захмелел, как и он, мы не вот уж какие мастера были по алкоголю, так, в клубе может по коктейлю другому, ну там виски разбодяжить с колой или швепсом...

– Хорошо, брат, – научу, кивнул мне он, – только и ты дай мне его на время, чтобы самому освоить такое чудо.

– Почему это «дай на время» – вот тут, блин, я решил немного выпендриться и сделать красивый жест, – я и привез его тебе в подарок!! Это твой дрон, просто иногда ради кайфа, давай и мне погонять на нем, как в детстве ты мне давал на своем велике отжигать!

Олег с гордостью посмотрел на Виталия и Злату. Они тоже кивнули в знак уважения его щедрому и, несомненно, благородному, но, такому дорогостоящему подарку.

– Так мы и жили, – Олег продолжал свой рассказ. – я учился, продолжал все больше и сильнее влюбляться в Кристину, от которой, кстати о птичках, и моя мама была ну просто в дичайшем восторге, хотя ей не очень нравилось, что девушка не совсем скажем так хозяйственная и, что особенно было для мамы жутко, совершенно не умела и не хотела учиться печь блины, – тут Олег игриво подмигнул Злате. Та снова весело хихикнула, после чего Олег продолжил, – Учился, любил и.. играл, а Серёга работал и осваивал этот дрон. Он и меня научил им пользоваться, – с нескрываемой гордостью и уважением к своему товарищу, прибавил Олег. –

Я так неплохо освоил это дронводство, что несколько раз становился почти чемпионом у нас в области и даже в федеральном округе пару раз входил в тройку-пятерку.

– А Серега? – снова почти одновременно спросил его Злата и Виталий.

– Сергей был почти всегда на первом месте и самым лучшим.

– Ну еще бы, ведь на такой крутой машине не мудрено стать лучшим, – отметила Злата.

– Нет, дрон, что я ему подарил, он никогда не брал на соревнования и пользовался тем, что, либо там предоставляли для соревнований, либо у него была к тому времени парочка китайцев, которых он навернул до упора и проапил. В том числе и с помощью моей, ну и моих программ.

Кристина была в восторге от моего школьного друга – ей очень нравилась его открытость, прямота и простота. Она даже, каюсь, пыталась несколько раз познакомить его с какой-нибудь из своих подружек. Но. Простой работяга как-то не вызывал у них бурных восторгов и не перерастал в дикое желание сооружения чего-то более серьезного, ограничиваясь лишь иногда походами куда-то с целью скрасить одиночество, ну и, как я стал догадываться, парочка из ее подружек прибегали к нему время от времени.. – Он перехватил недовольный такой взгляд Златы, – да, а что такого-то? Сексе повод для знакомства!

– Ах, ты.. – Злата наигранно рассердилась и хлопнула его

по голове, легко и скорее даже не хлопнула, а так, потрепала по волосам.

– Ну а потом.. – Олег нахмурился. – Потом наступило 24 февраля. Серегу, как назло, тогда призвали в армию, где он уже почти год отбарабанил и... короче, кто-то как-то где-то и почему-то в нарушение Приказа отправил срочников туда.. вернее сюда.. Я потом лишь узнал о Сереге. Я был в это время у отца, что-то ему помогал по отлаживанию какой-то из программ. Проторчал в Москве безвылазно месяца, наверное, три, нет, почти четыре..

– Я приехал домой, в Новосибирск в конце июня. Блин, мама что-то расхворалась, так что я смог более-менее выдохнуть свободнее лишь через дней десять, наверное. – Он выдохнул, пошевелил мышцами лица, словно разминая его, продолжил: – Я рванул к Серёге домой, ведь я знал, что он был в армии и просто хотел узнать у его предков, как он и что у него все в порядке.

Дверь открыла его мама. Я сразу по ее лицу понял: что-то стряслось с Сережкой. Она мне грустно улыбнулась, я бы не назвал это улыбкой, скорее какой-то неумелой попыткой натянуть на грусть маску улыбки, отсюда и так неуклюже и грустно. Она шагнула мне навстречу, прижалась к моей груди и заплакала.

– Что с Сережкой?? – Я обнял ее.

– Он в госпитале.. – тихо прошептала она. – Я вот сейчас как раз к нему и собираюсь, папу там сменить хочу. Мы так

сменами с ним и сидим..

– Я с вами поеду, можно?

Мама его, Светлана Геннадьевна, молча закивала головой и, вытирая на ходу слезы, пошла на кухню, откуда вышла с полным пакетом, в котором я увидел термос и какие-то пакеты, видимо, с продуктами и едой для Сергея.

Госпиталь военный – он везде имеет какой-то свой особый характер, им он наверное и отличается от гражданских больниц. Характер там какой-то мощный, мужской, но, одновременно, такой хрупкий и.. настолько обезоруживающе искренний, что какой-то пафос просто излишен.

Мы поднялись на этаж, где в отделении ортопедии и хирургии лежал в одной из палат мой раненый друг детства.

Олег снова пошевелил губами, словно разминая их, нахмурился.

– Сергей, шел, двигаясь на костях, по коридору отделения нам навстречу. Обе его ноги как-то неестественно подвоякивались, так что он практически и не опирался на них, так как при каждой из попыток хотя бы немного опереться на любую их ног, его лицо пронзало судорогой боли.

Олег замолчал..

Над окопом нависла напряженная и нервная пауза. Снова все слышали как мерзко и противно жужжали зеленые мухи, суетившиеся над трупами убитых украинских солдат.

– Когда там разобрались и приказали выводить всех срочников из полосы боев, их спешно, толком без оружия, кое-

как, распихали по грузовикам и.. – Олег зло скрипнул зубами. – Колонну тыловую просто расстреляли из засады. Тем же, кто не были убиты, прострелили колени.. Так Сергей и оказался в госпитале. Как потом узнали от выживших, украинцы хвастались и не скрывали этого, за колонной долго следили с дрона-коптера, – Олег зло сузил глаза. – Ну а дроном этим управлял... тот самый парень-украинец, с кем мы и стали чемпионами по кибер спорту и который мне посоветовал купить тот проклятуший супер-дрон.. Тарас Квитко. Его так звали..

Так, в общем я и оказался здесь.

Родители мои были против – ну это и понятно, мама так вообще чуть с инфарктом не слегла, когда я сообщил ей о своем решении. Отец, – Олег уважительно покачал головой, – отец просто молча выслушал меня, понял, что спорить со мной бесполезно, ведь я уже взрослый, да и такой же, как он сам, упертый и решительный.

– Один, буквально, вопрос, сын, ну может быть, два.. – произнес папа, я видел, насколько тяжело ему было в те минуты сохранять самообладание и спокойствие изображать.

– Хорошо. Спрашивай.

– Какого хрена?

– Пап, понимаешь.. – Олег чуть погрустнел, – понимаешь, папа, моего лучшего школьного друга Серёгу искалечили там... Жутко и жестоко. Он теперь, наверное, на всю жизнь останется хромым и колченогим.. – Отец мой молча

слушал. – Короче, пап, искалечил его один парень с Украины, с кем мы были в той победной команде на Гран-при. Какое-то дичайшее стечение обстоятельств и мир тесен для буквально носового платочка..

– Не понял.. – отец на этот уже с нескрываемым любопытством переспросил меня.

– Короче, пап, когда их, срочников, выводили оттуда на грузовиках, в спешке и без оружия практически, он навел дронами артиллерию на колонну.. в общем, пап, кого не убили на месте снаряды, они просто поискалечили, расстреляв им колени..

– Мсть – это святое. – Произнес папа, немного помолчал, обнял меня. – Возвращайся только, сын. Мама ведь не переживет.

О себе, отец, и не говорил. Было видно, как ему тяжело принимать это решение и произносить вслух слова одобрения и поддержки.

Мама дома лишь плакала, кричала, ругалась, потом снова плакала, правда, уже тиши и тише с каждым разом. Я молча собирал необходимое, как мне тогда казалось, в сумку...

Мама выговорилась как смогла, тут был виноват и я, и отец, и деды наши – такие же вот упертые и безрассудные. Почему вдруг и до дедов она добралась... ну да ладно.

– А Кристина? – Злате просто не сиделось на месте от нетерпения узнать.

– Она плакала.. – грустно произнес Олег. – Они и со своей

мамой, и с моей, и потом все втроем, пытались меня отговорить, ругались, чуть ли не проклинали. А потом.. – Олег закрыл глаза, – потом, потом мне показалось, что нет любви, что она меня не любит, да и не любила в общем-то ни единого дня.. И я ошибся! Она пришла меня провожать.. – Олег гордо вскинул голову и посмотрел на товарищей. – Она меня провожала. Она поклялась меня ждать и... заставила дать ей слово, что я и вернусь к ней. А не приеду, к примеру, – он подмигнул Виталию, – вот с такой вот Златусей-красотусей.

Злата засмеялась и нежно, просто искренне и нежно, чмокнула парня в обе щеки.

– Я так и знала, что твоя Кристина хорошая..

Папа мне помог. Он, вот тут спасибо ему огромное, купил целый контейнер китайских дронов, который и отправил через одного знакомого в одно из.. – Олег прервался, вслушался, потом успокоенно прибавил, – в общем, не волнуйтесь, я услышал только что звук одного из его подарков. Нас скоро заберут.. мои.. в общем.. наши.. – Олег понимал, что не хочет произносить лишнего, но именно сейчас от него все должны услышать слова уверенности в их спасении и безопасности. – Не волнуйтесь, все будет хорошо.

Олег попросил Злату вынуть из одного из карманов на его разгрузке небольшой предмет, похожий чем-то на брелок от автомобильной сигнализации.

– Нажми на зеленую кнопку и держи секунд три-четыре, не дольше... – он попросил девушку. – Это должно хватить..

– Для чего должно хватить?

– Для них, – Олег кивнул головой вверх, – хватит понять, где мы..

Злата сделал все, как он и просил.

– Сергей, как мог, попытался меня отговорить ехать добровольцем, но, когда понял всю бесполезность своих слов, просто сказал своему отцу, который был рядом в момент разговора: – Пап, пусть Олег возьмет с собой тот дрон, который он мне подарил. Я хоть буду как бы с ним рядом..

Через некоторое время я оказался на фронте.. – Олег снова сделал паузу, видимо подбирал слова или не хотел сказать чего-то лишнего. – В итоге, я оказался здесь...

– Я знал, что последние дерзкие атаки дронов-камикадзе со стороны украинцев мог проделывать лишь Тарас, ну может еще несколько других. Люди добрые, в конце концов, подсказали кому надо обо мне и моей «мечте-идее»..

Олег покачал головой.

– Вчера я узнал, где располагается их центр дроноводов.. сутки я не спал, составляя карту высот полета для своей машинки, вбивая этот двоичный код в разделы своей программы... саперы приготовили нужный фугас, мы прикрепили...

Мои руки вспотели от волнения, я, прекрасно понимая, что для наибольшей верности удара и точности поражения буду вынужден максимально приблизиться к линии фронта и оказаться на самом острие атаки, оказался со своей птичкой здесь, во время этой не совсем скажем так удачной разведки

боем..

Чтобы укры не накрыли всех, я с дроном нарочно отполз как можно дальше от общей группы наших, ведь, прекрасно понимал, что, как только я включу пульт обратной связи и управления дроном, выводя его из режима автопилота на руки, у меня будет лишь несколько минут, а может и того меньше..

Вот и не захотел рисковать всеми.. – Олег закрыл снова глаза. Действие лекарств ослабевало, боль и слабость подступали к нему.

Птичка ожила и, с легкостью взмыв вверх, зависла на мгновение практически над землей. Я специально долго считал профиль ландшафта в этих местностях, поэтому и выбрал высоту в три метра для атаки.

Дрон ожил и понесся навстречу своей цели. На пульте управления лишь высвечивалась его траектория, наложенная на карту местности и шел обратный отсчет времени до момента, когда мне надо будет перехватить его автоматический режим и вручную атаковать их, ведь только так, видя в объективы цифровых камер, я мог с полной уверенностью уничтожить гнездо тех, кто атаковал наши склады, базы, даже наверняка и на атомную станцию мог бросать своих камикадзе.

Птичка послушно шла своим маршрутом. Я сидел и старался успокоиться, словно хотел представить в этот момент, что не хочу уничтожить тех. Кто искалечил моего друга и

поубивал многих, а только выполняю конкурсное задание.

Таймер показывал мне, что еще пару секунд и.. – Олег гордо вскинул голову, оглядел своих товарищей, – я перехватил управление и перешел в ручной режим полета. Камеры активировались, и передо мной на экране пульта управления предстало здание, где, как и докладывали разведчики, и располагались наводчики-дроноводы.

И в этот момент на крыльце показался... Тарас. Да! Это был он! Я узнал бы его из тысячи! – Глаза Олега загорелись пламенем ярости и, одновременно, гордости за сделанное им. – Он что-то говорил сидящим под навесом из масксетей пятерым наводчикам и связистам, потом... Тарас.. – Олег кашлянул в кулак и продолжил, – потом Тарас услышал тихий звук, издаваемый моим дроном, моим подарком для Серёги, машинкой того парня, которого покалечили по наводке Тараса..

Тарас поднял голову на звук, раздававшийся в небе. Его глаза расширились от ужаса, он что-то пытался кричать и махать руками, показывая в небо и, одновременно, как бы пытаясь прогнать всех наводчиков от места их сосредоточения.

Моя птичка сделала рывок к небу и... спикировала на место, где стоял Тарас и заметавшиеся в панике украинские дронководы и связисты-корректировщики артиллерии.

Камеры отключились... цель была поражена.. буквально через несколько минут место, где меня нашла Злата и притащила сюда к вам, было накрыто, судя по всему, из трех то-

поров чем-то корректирующим...

– Спасибо тебе, Господи.. – тихо закончил свой рассказ Олег. – Я знаю, я просто уверен, что в тот самый момент, когда наш с Сережкой дрон уничтожил их свору, там, в Новосибирске, наверное, уже дома, Серёга почувствовал и понял. Я выполнил свое обещание и наказал, жестоко и жутко, но наказал и сдержал свое слово. Я понял, что где-то в Москве, сердце моего отца на мгновение замерло, и потом забилось тревожно и, одновременно, с какой-то гордостью за своего сына. Про маму молчу.. – Олег снова вытер слезу грязной рукой – лицо его стало еще чумазее. – Сердце ее каждую секунду было рядом с моим. Оно и сейчас со мной.. вот здесь, – он положил свою руку на грудь.

Слон и Моська.

– Разрешите войти, товарищ генерал-лейтенант! – вошедший в кабинет Начальника одного из Управлений разведки был, несмотря на рано поседевшие волосы и шрам, тянувшийся от середины лба вниз по правой стороне лица, молодым, лет где-то тридцати шести, полковником.

– Проходите, – спокойно ответил Алексей Павлович, так звали начальника, – я ждал Вас с докладом. Мои замы все уши мне уже прожужжали о какой-то гениальной операции, с которой Вы уже несколько дней обходите кабинеты нашего

управления.– Присаживайтесь, – генерал кивнул на стул, – в ногах правды нет, да и, как я понимаю, разговор будет явно не на пять минут.

– Так точно, – ответил полковник, он присел за стол, положил перед собой папку, так как знал, что генерал, как поклонник «старой школы», не очень-то любит возиться с этими новомодными электронными видами документов, предпочитая старые добрые и проверенные временем бумажные носители. Тем не менее, он, все-таки приготовил электронную версию, куда заблаговременно загрузил всю нужную и важную информацию. Он раскрыл папку, вынул прошнурованный документ, на котором стоял гриф «особой важности» и инвентарный номер учета, протянул его генералу.

Тот краем глаза взглянул на его название, гриф секретности, кивнул головой, отдавая день уважения к серьезности подхода своих подчиненных, после чего, переведя взгляд на полковника, произнес:

– Давай-ка, Андрей – так звали вошедшего в кабинет, изложи мне – старику все попроще и чтоб мне понятнее было, кого и за что надо дернуть, чтобы, значит, у нас все прошло как по маслу..

– Товарищ генерал, – полковник перехватил недовольный взгляд генерала, резко перешел на неформальный диалог, – Алексей Павлович, я, в общем-то, вернее мы, – полковник этим своим словом показал начальнику, что уже прошел все круги ада и мытарства согласований по кабинетам, этажам и

службам, в том числе видимо и смежных структур, таких как ФСБ, ФСО и остальных, – мы подготовили операцию «Слон и Моська»..

– Нихрена себе названьице вы учудили, – рассмеялся генерал. Он всегда ценил юмор, сам частенько, во время совещаний, планерок или на учениях, любил, вот так, внезапно завернуть что-нибудь этакое, наблюдая, как вытягиваются от неожиданности и недоумения лица его офицеров.

– Даже если «там» и узнают о подготовке данной операции, то, скорее всего, на основании анализа, которым их там обильно снабжают англосаксы и прочие.. – полковник резко ругнулся. Ему было интересно, вот так, нарушив правила, прощупать – поддерживает его начальник, или все еще колеблется.

– Хорошее сравнение, Андрей, – генерал был полностью на его стороне. – Развивай, давай мысль..

– Можно, товарищ генерал, я для более четкого восприятия, запущу на экране проектора видео ряд. Так вам и мне будет легче..

– Валяй... – генерал махнул рукой, изобразив немного недовольный вид, хотя и сам прекрасно понимал, что, к примеру, без карты, а также еще каких-либо визуальных помощников, в таких делах всегда сложно сразу войти в общий смысл задуманного плана.

Полковник взял в руки пульт управления проектором, включил. На экране сразу же появилась карта Украины, она

была интерактивной. Было видно, что докладчик как нельзя лучше подготовился и заранее уже зарядил технарей работой, что понравилось генералу, любившему здоровую и толковую инициативу его подчиненных.

И полковник начал рассказывать суть операции «Слон и Моська»..

Вот уже несколько месяцев, как противник, используя практически онлайн снимки, поступающие к нему от орбитальной группировки натовских спутников, а также текущих данных агентурной сети, находившейся на территориях, освобожденных российскими войсками, наносил беспокоящие командование удары высокоточным оружием, при этом еще с дополнительным использованием легких и малозаметных БПЛА, которые заранее выдвигал в скрытые районы, переводил в спящий и ждущий команд режим, а непосредственно перед нанесением ударов активировал и, поднимая в воздух в непосредственной близости от поражаемых целей, проводил дополнительную уточняющую корректировку.

На основании агентурных сведений, по крупницам собираемых нашими разведывательными и аналитическими подразделениями, было установлено, что, исходя из уникальности методов, применяемых противником.

Данными ударами руководили из одного центра, перемещаемого противником периодически и, исходя из текущей оперативной обстановки, с одного участка фронта на другой, что, с одной стороны, существенно осложняло задачу опре-

деления его текущего центра и последующего места планируемой дислокации, но, вместе с этим, давало небольшую возможность, подготовив ряд мероприятий по дезинформации и привлечению дополнительного внимания противника, уточнить его координаты, после чего уничтожить массированным ракетно-бомбовым ударом с широким применением новых барражирующих боеприпасов, недавно поступивших в воинские части в большом количестве и уже наводившие ужас на противника.

– Гладко было на бумаге, да забыли про овраги.. – генерал, как всегда, был скептиком, что никогда не мешало в работе, ведь, лучше сомневаться в своей правоте и потом доказать себе ошибку в сомнениях, чем слепо верить и огрести потом по полной программе от противника, оказавшегося более мудрым и не таким самоуверенным.

– Алексей Павлович, сами вот посудите, – Андрей стал показывать лазерной указкой на карте, – сначала, в конце весны, противник атаковал наши подразделения на вот этом участке линии фронта. Генерал кивнул головой. – Затем, противник в этом секторе прекратил или кардинально уменьшил атаки с применением дронов, но, практически одновременно начал массированные атаки на Херсонском направлении.

– Ну так там они же.. – генерал намекнул о неудачной попытке наступления на Херсон и атаках коммуникаций на Днепре.

– Характер атак, их рисунок, а также полученные нами рапорты служб РЭБ, умудрившихся посадить несколько их этих наводчиков-дронов в состоянии, позволяющем соответствующим структурам подтвердить правоту моих первоначальных догадок о существовании одного единого управляющего и координирующего центра у противника, не дают больше нам сомнений в нашей правоте наших выводов.

– Я понимаю, что ты у нас, как толькоходишь в раж, начинаешь невольно сыпать кучей словосочетаний. – Генерал с наигранным видом легкого недовольства пожурил полковника. – Андрей, ты, пожалуйста, не тyani. Говори главное..

– Весь состав, его численность и штатная структура нам не известна, но, – Андрей широко заулыбался, – нам стали известны ряд личных данных некоторых из предполагаемых сотрудников данного подразделения, которое мы условно обозначили как «Гнездо», ну или «Улей».

– Ну, гнездо, так гнездо. Улей, так улей.. – Генерал кивнул, ожидая продолжения.

– Согласно уже полностью проверенным и заслуживающим доверия разведданным, одного из руководителей данного «Улья» зовут Квитко Тарас Богданович, – в это время на экране появились фотографии и массив данных по нему, – украинец, 1998 года рождения. Место рождения г. Киев. Активный участник националистических организаций, таких как.. – далее шло перечисление организаций, партий, даты, места и прочие дополнительные сведения, в том числе его

родителей, ближайших родственников, друзей, интересов и круга общения..

– Обстоятельно, – похвалил его генерал, – я, так понимаю, у нас и анализы его имеются наверняка, да и что снится ему мы уже знаем..– пошутил он, выражая удовлетворения серьезному и обстоятельному докладу полковника.

– Установлено, что объект, будучи в составе сборной команды, состоявшей из игроков – граждан Российской Федерации, республики Беларусь, а также Украины, стал победителем одного из этапов Гран-при по киберспорту. Подтверждено неоднократное участие объекта в Чемпионатах Украины, а также ряда стран Восточной и Западной Европы по управлению дронами и бпла, где он постоянно занимал призовые места или становился победителем.

– Опять, бл..дь, эти «дети цифры», ядерен батон, ну куда уже от них и без них – проворчал с недовольным видом генерал. Потом закурил, протянул машинально пачку полковнику, который не курил и вежливо отказался. – И что нам с этого, Андрей?

– Нами установлено, что несколько дней назад, по сообщениям Управления ФСБ по Новосибирской области, один из участников данной сборной команды и чемпион по киберспорту, гражданин РФ, Олег.....

– Что, свалил или закосил под дурачка? – Не выдержал генерал, перебивая его.

– Никак нет, Алексей Павлович! – Четко и с нескрывае-

мой радостью на лице и в голосе ответил полковник.

– Не тяни кота за яйца.. – генерал с улыбкой положил руку на сердце, – я уж, право дело, чуть не..

– Гражданин.. – полковник кашлянул в кулак, после чего продолжил – наш парень оформил академический отпуск по месту получения им высшего образования, прошел все необходимые процедуры и в настоящее время убыл в один из центров подготовки добровольцев, расположенных на Северном Кавказе в непосредственной близости от Южного участка ТВД.

– Сведения проверенные? Точные?

– Абсолютно, Алексей Павлович! Его отец, крупный бизнесмен, ученый и совладелец одного из крупных научно-промышленных предприятий, относящихся к Гособорудованию, попытался его отговорить, имел несколько долгих и напряженных бесед, ну, отца ведь можно понять, – полковник посмотрел на генерала, который и сам пытался зимой отговорить своего сына – капитана от командировки на передовую, но, потом, просто устыдившись, благословил его. Его сын был позднее ранен, правда легко, теперь же, после выписки из госпиталя, находился на Запорожско-Донецком участке фронта. – Но, в конце-концов, полностью поддержал сына, разругался в пух и прах со своей бывшей женой – матерью нашего объекта, потратил большие средства из личных сбережений на приобретение и доставку крупной партии дронов и БПЛА.

– Молодец, мужик, – похвалил его отца генерал. – Возьмите на контроль его, если что – полнейшую ему и его фирме поддержку. А то знаю я наших..

– Уже сделано, Алексей Павлович. – Полковник кивнул. – Вчера взяли за розовые попки двоих из Министерства Обороны..

– Сами? Это же не наша епархия..

– Нет конечно. Смежники из «конторы» потрудились.

– А, давай-ка, мы немного пожрем, а? – Генерал подмигнул полковнику, он был доволен докладом и понимал, что его подчиненные все уже рассчитали, так что лишние полчаса, ну часик, уже ничем не помешают старту операции «Слон и Моська». – На сытый желудок и думается лучше..

После обеда они вернулись в кабинет, где генерал, как и положено, вынул из сейфа принесенную полковником папку с планом операции, снова ее раскрыл и, уже детально изучая ряд материалов, стал задавать уточняющие вопросы:

– Так.. – он понял глаза, – какова вероятность, что хохлы клюнут на эту нашу заманушку?

– Визит одного из начальников Управления Ракетных войск и Артиллерии, полагаю, не сможет их не привлечь. Да и информацию уже готовы раскинуть о планах размещения на складах больших партий снарядов для РСЗО и корректируемых боеприпасов..

– Хорошо. Сколько у нас времени..

– Думаю, месяц, не больше.. – Полковник прищурился, прикидывая у себя в голове, – как только Вы даёте отмашку, мы заряжаем дезу и начинаем усиленно изображать «чрезмерную нервную активность по соблюдению режима секретности»

Сами понимаете, что наши штабисты, как никто иной, умеют так задргать подчиненных и довести тех до истерики, что информация, рано или поздно, а скорее и не рано, и не поздно, как нам будет удобнее, окажется у агентурной сети хохлов, которой у нас в тылах пока еще пруд пруди.

– Ты, что, хочешь сказать, что у нас совершенно «воду в жопе держать не могут»? Есть постоянные утечки?

– Никак нет. Массового характера нет, но вот идиоты, нет-нет, а попадаются. С ними потом работают особисты на местах. Ребята работают мгновенно практически...но..

– Значит хохлы поверят..

– А куда им деваться, если чуть позднее, сначала нашего наши «примут за язык по пьянке», ну а чуть позже кого-то из агентов противника, но так, чтобы другие смогли проинформировать Киев о серьезности мер, ведь из-за рядового гостя такой «шухер» не наводят.

– Развивай мысль, Андрей..

– Где-то через пару недель наш парень уже будет готов, после чего, с ним проведут разъяснительные процедуры, да он и сам, думаю, не будет возражать..

– Это, еще почему он так вот сразу и согласится? Все-та-

ки, сам знаешь, как наша молодежь почему-то относится к нашим всем ведомствам..

– Подробная информация изложена в разделе 4 моего доклада. Вкратце так, – полковник налил минералки, выпил, продолжил, – друг детства нашего объекта был в зоне проведения СВО, получил тяжелые ранения, когда колонна, в которой он находился, подверглась артобстрелу с применением дронов в качестве наводчиков и корректировщиков. Наш объект знает об этом и именно это известие заставило его пойти на столь решительный поступок.

– За друга отомстить. Молодец, парень. – Похвалил генерал этого парня, как вы все уже поняли, был нашим Олегом.

– План операции разработан, он носит на первый взгляд батальонно-полковой уровень, так что нам нет надобности докладывать наверх для получения санкции. Противник ни о чем не догадается, ведь сама операция будет разделена на две части. Первая из которых будет операция прикрытия и отвлечения внимания.

– Расширь мысль..

– Как только мы узнаем о передислокации «Улья» в зону нашей ответственности по проведению операции, мы прикомандировываем наш объект с группой прикрытия и эвакуации в состав дислоцированной на данном участке фронта БТГ. Данная БТГ, вернее одна или две роты, проведут разведку боем в одном из секторов, попытаются захватить вражеский опорник, вроде бы в виде непродуманной контрата-

ки, потом или откатятся на исходные позиции, или продолжат его удерживать, а на самом деле чтобы помочь вскрыть активность бпла противника и их подразделений РЭБ.

В это же время, объект выдвигается скрытно на линию боестолкновения, то есть максимально близко к «Улью», приблизительные координаты которого мы должны будем получить от нескольких наших ДРГ. Это и есть наш самый слабый и уязвимый момент во всей операции. Ведь объекту придется находиться на передовой и подвергаться излишнему незапланированному риску случайного поражения и выбытия из строя. При этом, у нас будет рядом находиться дублирующая группа. Но, только наш объект прекрасно знает в лицо украинца, знаком с манерой его речи, поведения и сможет быстро и безошибочно опознать его.

– Сложновато...

– Так точно. Для этого, сразу же после занятия какого-либо из ротных опорных пунктов противника, его группа выдвигается скрытно на позиции и, по уже запрограммированному маршруту, на минимально возможных высотах с учетом рельефа местности запускает дрон-убийцу с осколочно-фугасной боевой частью, которую подготовят наши специалисты. Но, это не самое главное.

– А что же тогда главное? Парнишка наш, да и почитай с пару рот наших ребят будут рисковать...

– Главное же то, что, по нашим аналитически расчетам и согласно практике, утвержденной в боевом уставе подраз-

делений стран НАТО, в непосредственной близости от места дислокации «Улья» должен будет, как минимум, располагаться защищенный узел связи и командный центр. Уничтожив их – мы ослепим на длительное время противника, да и, чем черт не шутит, можем вскрыть также и места сосредоточения этих гребаных Химер.

В момент приближения к месту расположения «Улья», наш объект переводит дрон в режим ручного управления и, начиная с этого момента, в распоряжение наводчиков и корректировщиков будет организовано поступление текущих координат для нанесения удара РСЗО по квадрату с гранью до десяти гектаров.

– Ох, ну ни хрена себе ты и площадь накрыть решил..– генерал понимал, что в данном случае приходится стрелять максимально.

– Наш объект, назовем его «Моська», уничтожает или, в случае поражения или повреждения его дрона средствами РЭБ противника, проводит атаку цели в ручном режиме с самоуничтожением дрона, как камикадзе, но успевает передать координаты. Далее работать будет «Слон»..

– Мда..– генерал встал из-за стола, подошел к шкафу, вынул из него бутылку коньяка, два бокала, поставил их на стол. – Разливай..

Они выпили по бокалу коньяка залпом, словно водку. Не до наслаждения букетом сейчас..

– Мы понимаем, что данная атака и разведка боем может

пройти, скажем так, не совсем удачно, ведь против нас воюет хорошо мотивированный и накачанный бандеровской украинской пропагандой противник, среди которого много иностранных наемников. Мы понимаем прекрасно и отдаем отчет, что, с виду, эта операция будет казаться чистым безумием, какой-то ахинеей тупых штабистов. Просто мы не имеем права раскрывать истинные цели данной операции командному составу БТГ, которой и будет поручено проведение разведки боем.

– А, хохлы, что, купятся и не насторожатся разве?.

– Да хрен их знает. Но с виду это абсолютно походить будет на «бодания» возле Донецка..

– Хорошо. Теперь, доложи мне об эвакуации группы. Им нельзя попадать в плен, даже двухсотыми..

– В момент перевода дрона-камикадзе в режим ручного управления, помимо функции скрытой и защищенной от воздействия противника передачи координат, будет отправлен первый сигнал. Согласно нему, группа по эвакуации начинает выдвижение к зоне боевого столкновения и согласно координатам, автоматически переданным нашим «Мосской». Если, по какой-то причине дрон не сможет отправить сигнал для начала эвакуации, ждем второй сигнал, который будет окончательно дублировать необходимость эвакуации и выполнения задания. Помимо всего, объект «Моська» подтвердит таким образом факт визуального поражения противника, так что второй сигнал вот с этого устройства, – пол-

ковник положил перед генералом черный брелок, почти напоминающий автомобильную сигнализацию. – Это маяк. На него и выйдет группа эвакуации..

– Благослови нас всех Бог. – Перекрестился, вставая, генерал.– Храни Господи, наших воинов и мальчишку нашего... От него столько зависит, что я до сих пор в шоке. – Давай-ка, Андрей, добьем вот этого французишку. – Генерал кивнул на бутылку французского коньяка, – он, хоть, и вроде как натовский, но, сволочь, вкусный!

– С удовольствием. – Андрей разлил еще по бокалам. Он поднял бокал, который был налит почти до краев, словно водка, понюхал, наслаждаясь ароматами прекрасного напитка. – Можно тост скажу?

– Нужно! Валяй, полковник! – Генерал засмеялся.

– Предлагаю поднять бокал за здоровье французской тётки Марины, чтобы ей удача улыбнулась пошире

– Ну, ты, братец... удивил меня.

– Скоро, видит Бог, французские вина и коньяки будут не натовскими, а братскими, ну или нейтральными..

Они еще выпили, бутылка была пуста.

– Ну, с Богом. – Генерал и полковник перекрестились..

– Эй, есть живые?.. – кто-то тихо, но спокойным и уверенным в своих силах, произнес, обращаясь к нашим трем героям, находившимся на дне окопа разрушенного украинского опорника. Голос был с нашей стороны, но, тем не менее,

все трое, даже тяжелораненый Олег, взялись за оружие, но Олег, у которого не было сил держать автомат, просто вытащил гранату из разгрузки и выдернул чеку.

Злата – лицо и руки которой были перемазаны грязью и запекшейся кровью, быстро схватила автомат и, немного дрожащими от волнения руками, направила его по направлению голоса.

Виталий молча приподнялся и взял в руки ПК и, повернувшись в сторону голоса, крикнул:

– Позывной и пароль. Считаю до трех или гранату бросаю!

– Успокойтесь, ребята, – голос. – Пароль «Слон»!

– Какой, нахрен, Слон? – Виталий навел пулемет на скат бруствера окопа с его тыльной стороны.

– Моська.. – прошептал Злате раненый. – Скажи им «Моська».

Она с испугом, смешанным с удивлением, посмотрела на Олега. Тот молча кивнул и одними губами произнес «моська»...

– М-м-моська! – произнесла, заикаясь от испуга и волнения девушка.

Это были наши. Это пришла эвакуация..

Группа из пятерых спецназовцев деловито спустилась в окоп и, осмотрев ранения Олега, осторожно зачековал гранату в его руке, забрал ее и сказал:

– Слон разбил посуду... всю..

Олег улыбнулся и, закрыв глаза, потерял сознание.

Второй спецназовец что-то шепнул в гарнитуру тактического микрофона.

– Переноску зову.. – успокоил он ребят.

Злата не выдержала и, прижавшись к груди Виталия, громко разрыдалась. Напряжение спадало и ее тело начинало трясти – адреналин покидал организм, сотрясая тело де-вушки.

– Ну, ладно, не плачь. Все ведь, слава Богу..

Вот вам и глупая, на первый взгляд, и абсолютно вроде бы бессмысленная, на второй взгляд, история про разведку боем.